

Андерсен Ганс Христиан

**Стойкий оловянный солдатик
(Сборник сказок)**

Художественная литература 2024

Стойкий оловянный солдатик (Сборник сказок)

Андерсен Ганс Христиан

Стойкий оловянный солдатик

Было когда-то на свете двадцать пять оловянных солдатиков, все братья, потому что родились от старой оловянной ложки. Ружье на плече, смотрят прямо перед собой, а мундир-то какой великолепный - красный с синим! Лежали они в коробке, и когда крышку сняли, первое, что они услышали, было:

- Ой, оловянные солдатики!

Это закричал маленький мальчик и захлопал в ладоши. Их подарили ему на день рождения, и он сейчас же расставил их на столе.

Все Солдатики оказались совершенно одинаковые, и только

один-единственный был немножко не такой, как все: у него была только одна нога, потому что отливали его последним, и олова не хватило. Но и на одной ноге он стоял так же твердо, как остальные на двух, и вот с ним-то и приключится замечательная история.

На столе, где очутились солдатики, стояло много других игрушек, но самым приметным был красивый дворец из картона. Сквозь маленькие окна можно было заглянуть прямо в залы. Перед дворцом, вокруг маленького зеркальца, которое изображало озеро, стояли деревца, а по озеру плавали восковые лебеди и гляделись в него.

Все это было куда как мило, но милее всего была девушка, стоявшая в дверях замка. Она тоже была вырезана из бумаги, но юбочка на ней была из тончайшего батиста; через плечо у нее шла узенькая голубая ленточка, будто шарф, а на груди сверкала блеска не меньше головы самой девушки. Девушка стояла на одной ноге, вытянув перед собой руки, - она была танцовщица, - а другую вскинула так высоко, что оловянный солдатик и не видел ее, а потому решил, что она тоже одноногая, как и он.

"Вот бы мне такую жену! - подумал он. - Только она, видать, из знатных, живет во дворце, а у меня всего-то и есть, что коробка, да и то нас в ней целых двадцать пять солдат, не место ей там! Но познакомиться можно!"

И он притаился за табакеркой, которая стояла тут же на столе. Отсюда он отлично видел прелестную танцовщицу.

Вечером всех остальных оловянных солдатиков, кроме него одного, водворили в коробку, и люди в доме легли спать. А игрушки сами стали играть - и в гости, и в войну, и в бал. Оловянные солдатики ворошились в коробке - ведь им тоже хотелось играть, - да не могли поднять крышку. Щелкунчик кувыркался, грифель плясал по доске. Поднялся такой шум и гам, что канарейка проснулась да как засвистит, и не просто, а стихами! Не трогались с места только оловянный солдатик да танцовщица. Она по-прежнему стояла на одном носке, протянув руки вперед, а он браво стоял на своей единственной ноге и не сводил с нее глаз.

Вот пробило двенадцать, и - щелк! - крышка табакерки отскочила, только в ней оказался не табак, нет, а маленький черный тролль. Табакерка-то была с фокусом.

- Оловянный солдатик, - сказал тролль, - не смотри куда не надо!

Но оловянный солдатик сделал вид, будто не слышит.

- Ну погоди же, вот наступит утро! - сказал тролль.

И наступило утро; встали дети, и оловянного солдатика поставили на подоконник. Вдруг, по милости ли тролля, или от сквозняка, окно как распахнется, и солдатик как полетит вниз головой с третьего этажа! Это был ужасный полет. Солдатик взбросил ногу в воздух, воткнулся каской и штыком между камнями мостовой, да так и застрял вниз головой.

Мальчик и служанка сейчас же выбежали искать его, но никак не могли увидеть, хотя чуть не наступали на него ногами. Крикни он им: "Я тут!" - они, наверное, и нашли бы его, да только не пристало солдату кричать во все горло - ведь на нем был мундир.

Начал накрапывать дождь, капли падали все чаще, и наконец хлынул настоящий ливень. Когда он кончился, пришли двое уличных мальчишек.

- Гляди-ка! - сказал один. - Вон оловянный солдатик! Давай отправим его в плаванье!

И они сделали из газетной бумаги кораблик, посадили в него оловянного солдатика, и он поплыл по водосточной канаве. Мальчишки бежали рядом и хлопали в ладоши. Батюшки, какие волны ходили по канаве, какое стремительное было течение! Еще бы, после такого ливня!

Кораблик бросало то вверх, то вниз и вертело так, что оловянный солдатик весь дрожал, но он держался стойко - ружье на плече, голова прямо, грудь вперед.

Вдруг кораблик нырнул под длинные мостки через канаву. Стало так темно, будто солдатик опять попал в коробку.

"Куда меня несет? - думал он. - Да, да, все это проделки тролля! Ах, если бы со мною в лодке сидела та барышня, тогда будь хоть вдвое темнее, и то ничего!"

Тут появилась большая водяная крыса, жившая под мостками.

- Паспорт есть? - Спросила она. - Предъяви паспорт!

Но оловянный солдатик как воды в рот набрал и только еще крепче сжимал ружье. Кораблик несло все вперед и вперед, а крыса плыла за ним вдогонку. У! Как скрежетала она зубами, как кричала плывущим навстречу щепкам и соломинам:

- Держите его! Держите! Он не уплатил пошлины! Он беспаспортный!

Но течение становилось все сильнее и сильнее, и оловянный солдатик уже видел впереди свет, как вдруг раздался такой шум, что испугался бы любой храбрец. Представьте себе, у конца мостика водосточная канава впадала в большой канал. Для солдатика это было так же опасно, как для нас нестись в лодке к большому водопаду.

Вот канал уже совсем близко, остановиться невозможно. Кораблик вынесло из-под мостка, бедняга держался, как только мог, и даже глазом не моргнул. Кораблик развернуло три,

четыре раза, залило водой до краев, и он стал тонуть.

Солдатик оказался по шею в воде, а кораблик погружался все глубже и глубже, бумага размокала. Вот вода покрыла солдатика с головой, и тут он подумал о прелестной маленькой танцовщице - не видать ему ее больше. В ушах у него зазвучало:

Вперед стремись, воитель,
Тебя настигнет смерть!

Тут бумага окончательно расползлась, и солдатик пошел ко дну, но в ту же минуту его проглотила большая рыба.

Ах, как темно было внутри, еще хуже, чем под мостком через водосточную канаву, да еще и тесно в придачу! Но оловянный солдатик не потерял мужества и лежал растянувшись во весь рост, не выпуская из рук ружья...

Рыба заходила кругами, стала выделять самые диковинные скачки. Вдруг она замерла, в нее точно молния ударила. Блеснул свет, и кто-то крикнул: "Оловянный солдатик!" Оказывается, рыбу поймали, привезли на рынок, продали, принесли на кухню, и кухарка распоролла ей брюхо большим ножом. Затем кухарка взяла солдатика двумя пальцами за поясицу и принесла в комнату. Всем хотелось посмотреть на такого замечательного человечка - еще бы, он проделал путешествие в брюхе рыбы! Но оловянный солдатик ничуть не загордился. Его поставили на стол, и - каких только чудес не бывает на свете! - он оказался в той же самой комнате, увидел тех же детей, на столе стояли те же игрушки и чудесный дворец с прелестной маленькой танцовщицей. Она попрежнему стояла на одной ноге, высоко вскинув другую, - она тоже была стойкая. Солдатик был тронут и чуть не заплакал оловянными слезами, но это было бы непригоже. Он смотрел на нее, она на него, но они не сказали друг другу ни слова.

Вдруг один из малышей схватил оловянного солдатика и швырнул в печку, хотя солдатик ничем не провинился. Это, конечно, подстроил тролль, что сидел в табакерке.

Оловянный солдатик стоял в пламени, его охватил ужасный жар, но был ли то огонь или любовь - он не знал. Краска с него совсем сошла, никто не мог бы сказать, отчего - от путешествия или от горя. Он смотрел на маленькую танцовщицу, она на него, и он чувствовал, что тает, но по-прежнему держался стойко, не выпуская из рук ружья. Вдруг дверь в комнату распахнулась, танцовщицу подхватило ветром, и она, как сильфида, порхнула прямо в печку к оловянному солдатику, вспыхнула разом - и нет ее. А оловянный солдатик стоял в комочек, и наутро горничная, выгребая золу, нашла вместо солдатика оловянное сердечко. А от танцовщицы осталась одна только блестка, и была она обгорелая и черная, словно уголь.

Пейтер, Петер и Пер

Удивительно, как хорошо разбираются во всем нынешние дети! Трудно сказать, чего только они не знают! Старую сказку о том, как аист нашел их в колодце или в мельничном пруду и принес папе с мамой, они и слушать не хотят, а между тем сказка эта - истинная правда.

Вот только вопрос - откуда дети берутся, в колодцах или в мельничных прудах? Не всякий на это ответит, но кое-кому и это известно. Если ты внимательно глядел на небо в звездную ночь, то, конечно, видел множество падающих звезд. Кажется, будто звезды скатываются с неба и исчезают. Самые ученые люди не могут объяснить того, чего не понимают, но если знаешь, в чем дело, объяснить нетрудно. Звезды падают с неба, как маленькие елочные свечи, и гаснут; это искры Божьи, что летят вниз, на землю. Как только они попадают в наш густой, плотный

воздух, сияние их меркнет, и наши глаза перестают различать их, потому что они нежнее и воздушнее самого воздуха. Теперь это уже не звезда, не искра, а небесное дитя, маленький ангел без крыльев, которому предстоит превратиться в человека. Тихо скользит он по воздуху, ветер подхватывает его и опускает в чашечку цветка – то в ночную фиалку, то в одуванчик, то в розу, а то в гвоздику. Там дитя лежит и набирается сил. Оно такое легкое и воздушное, что муха может унести его на своих крыльях, а пчела и подавно. И те и другие так и вьются над цветком в поисках сладкого нектара. Если воздушное дитя им и мешает, то столкнуть его на землю они все равно не решаются, а переносят его на большие круглые листья кувшинок и оставляют лежать на солнышке. Малыш потихоньку сползает с листа в воду, дремлет там и все растет, растет, пока не станет таким большим, что аист увидит его, выловит и принесет людям, в какую-нибудь семью, где уже давно мечтают иметь такого милого ребенка. Вот только будет он милым или нет, зависит от воды. Хорошо, если вода в колодце, где он лежал, была чистая, но бывает, что малютка наглотается тины и грязи, и тогда добра не жди, Аист ведь хватает первого, кто попадет на глаза, не разбирая. И разносит детей, куда придется: один может попасть в хорошую семью, к безупречным родителям, другой – к людям грубым и таким несчастным, что лучше бы аист вовсе не вытаскивал малыша из пруда.

Дети больше не помнят, как они дремали под листом кувшинки, как лягушки по вечерам пели им хором «Ква-ква-ква!», что по-нашему означает: «Спите крепко, пусть вам приснятся хорошие сны!» Не помнят дети и о цветке, в который упали с неба, не помнят даже его запаха, и все-таки, когда они становятся взрослыми, что-то заставляет их выбирать себе любимый цветок, как раз тот, где они лежали, прилетев на землю.

Аист живет до глубокой старости, но не забывает о малышах, которых приносил людям, он следит за ними, узнает, как им живется. Правда, изменить их жизнь не в его власти, да и помочь им он ничем не может – у него и со своими детьми забот хватает. Но из головы его эти малыши не выходят.

Я знаком с одним старым, умудренным опытом аистом, очень почтенным. Он наносил людям уже множество детей, о каждом из них может рассказать целую историю, и в каждой будет немного тины и грязи из мельничного пруда. Я попросил его рассказать хоть об одном из этих младенцев, а он преподнес мне не одну, а целых три истории, и все о семье Петерсенов.

Прекрасное это было семейство. Глава семьи был одним из тридцати двух отцов города, а это большая честь. И самому ему как раз исполнилось тридцать два. Тут-то и появился аист и принес маленького Пейтера – так называли мальчика. На следующий год аист принес еще одного ребенка, ему дали имя Петер, а когда аист прилетел с третьим, его нарекли Пером, потому что имена Пейтер, Петер и Пер очень подходят к фамилии Петерсен.

Вот и стали расти три брата, три небесные искры. Каждый из них вырос в своем цветке, каждый дремал под своим листом кувшинки в мельничном пруду, пока аист не принес его в семью Петерсенов, что живет на углу. Ну, да ты и сам прекрасно знаешь их дом.

Братья росли, умнели и мечтали сделаться кем-нибудь поважнее, чем их отец.

Пейтер мечтал стать разбойником. Он посмотрел в театре «Фра-Дьяволо» и решил, что разбойничье дело самое приятное на свете. Петер хотел стать жестянщиком и целый день греметь железом: то-то будет музыка! А Пер был примерный, тихий мальчик, пухлый и румяный. Он, правда, грыз ногти, но это был его единственный недостаток. Пер мечтал сделаться «как папа». Так они все отвечали, когда их кто-нибудь спрашивал, кем они собираются стать, когда вырастут.

Пошли они в школу. Один стал первым учеником, другой – последним, а третий – середка на половинку. Но разве в отметках дело? Все равно все трое были умными, прекрасными мальчиками – так по крайней мере утверждали их весьма образованные родители.

Братья ходили на детские праздники, покуривали, когда никто не видел, набирались ума-разума.

Пейтер с малолетства был упрям, как и подобает будущему разбойнику. Он был ужасно непослушный, но мать говорила, что это от глистов, которые его мучают. У всех непослушных детей глисты, виной тому тина в желудке! Скоро мать испытала на своем новом платье, до чего он строптив и непокорен.

– Не толкни стол, ягненок! – сказала она. – Опрокинешь сливки и посадишь пятно на мое новое платье.

Тут «ягненок» спокойно поднял молочник и преспокойно вылил сливки прямо матери на колени. Она только приговаривала:

– Ягненок, милый, что с тобой? Опомнись!

Но ей пришлось признать, что у ребенка есть воля. А воля свидетельствует о твердости характера, что очень приятно для матери.

Пейтер вполне мог стать разбойником, но получилось не совсем так. С виду-то он был настоящий разбойник: волосы длинные, лохматые, шея голая, шляпа нахлобучена на самый нос. Так одеваются художники, он и хотел стать художником, только дальше костюма дело не пошло. Все, кого он рисовал, выходили похожими на мальву, такие же длинные, тощие. Он и сам был в точности мальва. Понятно, что он так любил этот цветок, сказал аист, ведь мальва была его колыбелью.

Петера же нашли в цветке масличного дерева. Губы у него так и блестели, как намащенные, желтая кожа лоснилась; казалось, ущипни его за щеку, масло так и брызнет. Ему бы торговать маслом, сам себе служил бы рекламой. Но в душе он как был, так и остался жестянщиком: один из всего семейства Петерсенов он пошел по музыкальной части.

– И слава Богу, что один старается за всех, – говорили соседи.

За неделю он мог состряпать семнадцать полек, а из них слатать оперу с лязгом и скрежетом. Опера получалась хоть куда!

Пер был белолиц и розовощек, ростом невелик и ничем не выделялся – ведь его баюкала скромная ромашка. Если его били другие мальчишки, он никогда не давал сдачи. Он говорил, что он самый разумный, а разумные всегда уступают. Сначала он коллекционировал грифели, потом почтовые штемпели, а потом обзавелся уголком натуралиста, где хранился скелет корюшки, три слепых крысенка в банке со спиртом и чучело крота. Пера влекло к наукам, да и природу он чувствовал. А как это было приятно и ему самому и его родителям! Пер охотнее ходил в лес, чем в школу, предпочитал естественность строгому воспитанию. Его братья уже были помолвлены, а он все еще мечтал только об одном, как бы довести до совершенства свою коллекцию – он собирал яйца водоплавающих птиц. Животных он знал гораздо лучше, чем людей, и даже считал, что звери далеко опередили человека в самом святом – в любви. Пер заметил, что пока соловьяха-мать сидит на яйцах, соловей-отец всю ночь напролет поет для своей любимой подруги, и какие трели выводит! Перу ни за что бы так не спеть, и пробовать не стоит. А аисты? Когда аистиха с аистятами сидит в гнезде, аист-отец всю ночь охраняет их,

стоя на одной ноге. Да Перу так и часу не простоять! А после того, как он однажды хорошенько рассмотрел паутину, сплетенную пауком, он навсегда оставил мысли о браке. Господин паук без устали трудится над своей паутиной, ловит в нее беззаботных мух, молодых и старых, тощих и налитых кровью. Он для того и живет, чтобы плести свои сети и обеспечивать семейство пропитанием. А мадам паучиха живет только для дорогого мужа. Она так любит супруга, что, пожирает его живьем, с головой, сердцем и желудком, только длинные, тонкие ноги остаются торчать в паутине, которую он плел на радость своей семье. Вот вам правдивая история из жизни животных! Пер понаблюдал все это и решил: «Вот это любовь! Как надо страстно любить, чтобы проглотить собственного мужа со всеми потрохами! Нет, люди так далеко не заходят, да и нужно ли это?»

И Пер дал себе слово никогда не жениться, никогда никого не целовать и самому не получать поцелуев, ведь поцелуй – это первый шаг к брачным узам. И все же одного поцелуя ему избежать не удалось, он достается нам всем рано или поздно – долгий поцелуй смерти. Поживет человек на земле, и смерть получает приказ: «Поцелуй его!» – и человек погиб. С неба блеснет луч света, да такой яркий, что у человека темнеет в глазах. И душа человека, некогда звездочкой упавшая на землю, снова устремляется вверх, на небо. Больше ей не качаться в чашечке цветка, не дремать под листом кувшинки. Ее ждут дела поважней. Она уносится в великую страну вечности. А какова эта страна, где она и что в ней, никто не знает. Никто ее не видел, даже аист, хоть у него глаза зоркие и он знает все на свете. Поэтому и о Пере ему больше ничего не известно, а вот о Пейтере и Петере он мог бы порассказать, но я о них вдоволь наслушался, да и ты, наверно, тоже. И я вежливо поблагодарил аиста и сказал, что на этот раз с меня хватит. А он за эту короткую историю, в которой к тому же нет ничего особенного, требует с меня трех лягушек и одного ужонка. Он, видите ли, принимает плату съестными припасами. Ну как, ты согласен с ним расплатиться? Я – нет! У меня нет ни ужей, ни лягушек.

Капля воды

Вы, конечно, видели увеличительное стекло – круглое, выпуклое, через которое все вещи кажутся во сто раз больше, чем они на самом деле? Если через него поглядеть на каплю воды, взятую где-нибудь из пруда, то увидишь целые тысячи диковинных зверюшек, которых вообще никогда не видно в воде, хотя они там, конечно, есть. Смотришь на каплю такой воды, а перед тобой, ни дать ни взять, целая тарелка живых креветок, которые прыгают, копошатся, хлопчут, откусывают друг у друга то переднюю ножку, то заднюю, то тут уголок, то там кончик и при этом радуются и веселятся по-своему!

Жил-был один старик, которого все звали Копун Хлопотун, – такое уж у него было имя. Он вечно копался и хлопотал над всякою вещью, желая извлечь из нее все, что только вообще можно, а нельзя было достигнуть этого простым путем – прибегал к колдовству.

Вот сидит он раз да смотрит через увеличительное стекло на каплю воды, взятой прямо из лужи. Батюшки мои, как эти зверюшки копошились и хлопотали тут! Их были тысячи, и все они прыгали, скакали, кусались, щипались и пожирали друг друга.

- Но ведь это отвратительно! – вскричал старый Копун Хлопотун. – Нельзя ли их как-нибудь умиротворить, ввести у них порядок, чтобы всякий знал свое место и свои права?

Думал-думал старик, а все ничего придумать не мог. Пришлось прибегнуть к колдовству.

- Надо их окрасить, чтобы они больше бросались в глаза! – сказал он и чуть капнул на них какую-то жидкостью, вроде красного вина; по это было не вино, а ведьмина кровь самого

первого сорта. Все диковинные зверюшки вдруг приняли красноватый оттенок, и каплю воды можно было теперь принять за целый город, кишевший голыми дикарями.

- Что у тебя тут? - спросил старика другой колдун, без имени, - этим-то он как раз и отличался.

- А вот угадай! - отозвался Копун Хлопотун. - Угадаешь - я подарю тебе эту штуку. Но угадать не так-то легко, если не знаешь, в чем дело!

Колдун без имени поглядел в увеличительное Стекло. Право, перед ним был целый город, кишевший людьми, но все они бегали нагишом! Ужас что такое! А еще ужаснее было то, что они немилосердно толкались, щипались, кусались и рвали друг друга в клочья! Кто был внизу - непременно выбивался наверх, кто был наверху - попадал вниз.

- Гляди, гляди! Вон у того нога длиннее моей! Долой ее! А вот у этого крошечная шишка за ухом, крошечная, невинная шишка, но ему от нее больно, так пусть будет еще больнее!

И они кусали беднягу, рвали на части и пожирали за то, что у него была крошечная шишка. Смотрят кто-нибудь сидит себе смирно, как красная девица, никого не трогает, лишь бы и его не трогали, так нет, давай его тормозить, таскать, терзать, пока от него не останется и следа!

- Ужасно забавно! - сказал колдун без имени.

- Ну, а что это такое, по-твоему? Можешь угадать? - спросил Копун Хлопотун.

- Тут и угадывать нечего! Сразу видно! - отвечал тот. - Это Копенгаген или другой какой-нибудь большой город, они все ведь похожи один на другой!.. Это большой город!

- Это капля воды из лужи! - промолвил Копун Хлопотун.

Свинья - копилка

Сколько игрушек было в детской! А высоко на шкафу стояла глиняная копилка в виде свиньи. В спине у нее, конечно, была щель, только ее еще расширили ножом, чтобы проходили монеты и покрупнее, и две такие монеты в копилке уже лежали, не считая множества мелких. Копилка была набита битком, так что уж и не брякала даже, а о большем ни одной свинье с деньгами не о чем и мечтать. Стояла она на шкафу и смотрела на все в комнате сверху вниз - она ведь могла купить все это, а такая мысль хоть кому придаст уверенности в себе.

Все окружающие помнили об этом, хотя и не высказывались вслух - у них и без того было о чем поговорить. Ящик комода был полуоткрыт, и оттуда высывалась большая кукла, уже не первой молодости и с подклеенной шеей. Поглядев по сторонам, она сказала:

- Давайте играть в людей - это всегда интересно!

Поднялась возня, зашевелились даже картины на стенах, показывая, что и у них есть обратная сторона, и против этого нечего возразить.

Была полночь. В окна светил месяц, предлагая всем даровое освещение. Участвовать в игре были приглашены все, даже детская коляска, хотя она и принадлежала к громоздкому, низшему разряду игрушек.

- Всяк хорош по-своему! - говорила она. - Не всем же быть благородными, надо кому-нибудь и дело делать, как говорится!

Письменное приглашение получила только одна свиньякопилка - она стояла так высоко, что устное могла и не услышать, рассудили игрушки. Ну, а она даже не ответила, придет или нет, - и не пришла. Уж если желают ее общества, то пусть сделают так, чтобы она видела все со своего места. Так и сделали.

Кукольный театр поставили прямо перед ней, вся сцена была как на ладони. Начать хотели комедией, а потом предполагалось общее чаепитие и обмен мнениями. Начали с конца. Лошадь-качалка заговорила о тренировках и чистоте породы, детская коляска - о железных дорогах и силе пара. Все это было по их части, так кому же и говорить об этом, как не им? Комнатные часы толковали о политике: "Тики-тики!" Про них говорили, что они знают, когда надо "ловить момент", да вот только всегда запаздывают. Бамбуковая тросточка гордилась своим железным башмачком и серебряным колпачком - она была обита и сверху и снизу. На диване лежали две вышитые подушки, очень миленькие и очень глупенькие. И вот началось представление.

Все сидели и смотрели. Зрителей просили щелкать, хлопать и греметь в знак одобрения. Но кнут заявил, что не щелкает старухам, а только непросватанным барышням.

- А я так хлопаю всем! - сказал пистон.

- Где-нибудь да надо стоять! - сказала плевательница.

У каждого были свои мысли, которые он и высказывал во время представления. Комедия не стоила ломаного гроша, но сыграна была превосходно. Исполнители показывались публике только раскрашенной стороной; смотреть с оборотной на них не полагалось. Все играли замечательно и даже вываливались за рампу - нитки были слишком длинны, - зато так каждый был виднее. Склеенная кукла до того расчувствовалась, что расклеилась совсем, а свиньякопилка ощутила в брюхе такое благодущие, что решила сделать что-нибудь для одного из актеров - например, упомянуть его в своем завещании кик достойного быть погребенным вместе с нею, когда придет время.

Все пришли в такой восторг, что даже отказались от чая и перешли прямо к обмену мнениями - это и называлось играть в людей, причем тут не было никакого злого умысла, а всего лишь игра... Каждый думал лишь о себе да о том, что думает свинья с деньгами. А свинья с деньгами думала больше всех, думала о своем завещании и похоронах. "Когда придет час..."

- а он всегда приходит скорее, чем ожидают. Бац! Свинья свалилась со шкафа на пол и разлетелась вдребезги. А монеты так и запрыгали, так и заплясали. Маленькие вертелись волчком, крупные катились солидно.

Особенно долго катилась одна - ей очень хотелось погулять по белу свету. Так оно и случилось - и она отправилась гулять по свету, и остальные тоже. А черепки от свиньи отправились в мусорный ящик. Только на шкафу уже на другой день красовалась новая свиньякопилка. В желудке у нее было еще пусто, и она не брякала - в этом она была схожа со старой. Для начала довольно и этого, а мы на этом кончим.

Воротничок

Жил-был щеголь; у него только и было за душой, что сапожная подставка, гребенка да еще чудеснейший щегольский воротничок. Вот о воротничке-то и пойдет речь.

Воротничок уже довольно пожил на свете и стал подумывать о женитьбе. Случилось ему раз

попасть в стирку вместе с чулочной подвязкой.

- Ах! - сказал воротничок. - Что за грация, что за нежность и миловидность! Никогда не видал ничего подобного! Позвольте узнать ваше имя?

- Ах, нет-нет! - отвечала подвязка.

- А где вы, собственно, изволите пребывать? Но подвязка была очень застенчива, вопрос показался ей нескромным, и она молчала.

- Вы, вероятно, завязка? - продолжал воротничок. - Вроде тесемки, которая стягивает платье на талии? Да-да, я вижу, милая барышня, что вы служите и для красоты и для пользы.

- Пожалуйста, не заводите со мной разговоров! - сказала подвязка. - Я, кажется, не подавала вам никакого повода!

- Ваша красота - достаточный повод! - сказал воротничок.

- Ах, сделайте одолжение, держитесь подальше! - вскричала подвязка. - Вы на вид настоящий мужчина!

- Как же, я ведь щеголь! - сказал воротничок. - У меня есть сапожная подставка и гребенка!

И совсем неправда. Эти вещи принадлежали не ему, а его господину; воротничок просто хвастался.

- Подальше, подальше! - сказала подвязка. - Я не привыкла к такому обращению!

- Недотрога! - сказал воротничок.

Тут его взяли из корыта, выстирали, накрахмалили, высушили на солнце и положили на гладильную доску.

Появился горячий утюг.

- Сударыня! - сказал воротничок утюжной плитке. - Прелестная вдовушка! Я пылаю! Со мной происходит какое-то превращение! Я сгораю! Вы прожигаете меня насквозь! Ух!.. Вашу руку и сердце!

- Ах ты рвань! - сказала утюжная плитка и гордо проехала по воротничку. Она воображала себя локомотивом, который тащит за собой по рельсам вагоны. - Рвань! - повторила она.

Воротничок немножко пообтрепался по краям, и явились ножницы подровнять их.

- О! - вскрикнул воротничок. - Вы, должно быть, первая танцовщица? Вы так чудесно вытягиваете ножки! Ничего подобного не видывал! Кто из людей может сравниться с вами? Вы бесподобны!

- Знаем! - сказали ножницы.

- Вы достойны быть графиней! - продолжал воротничок. - Я владею только барином-щеголем, сапожной подставкой и гребенкой... Ах, будь у меня графство...

- Он сватается?! - вскричали ножницы и, осердясь, с размаху так резнули воротничок, что

совершенно искалечили его.

Пришлось его бросить.

- Остается присвататься к гребенке! - сказал воротничок. - Удивительно, как сохранились ваши зубки, барышня!.. А вы никогда не думали о замужестве?

- Как же! - сказала гребенка. - Я уже невеста! Выхожу за сапожную подставку!

- Невеста! - воскликнул воротничок. Теперь ему не за кого было свататься, и он стал презирать всякое сватовство.

Время шло, и воротничок попал наконец с прочим тряпьем на бумажную фабрику. Тут собралось большое тряпичное общество; тонкие тряпки держались, как и подобает, подальше от грубых. У каждой нашлось о чем порассказать, у воротничка, конечно, больше всех: он был страшный хвастун.

- У меня было пропасть невест! - тараторил он. - Так и бегали за мной. Еще бы! Подкрахмаленный, я выглядел таким франтом! У меня даже были собственные сапожная подставка и гребенка, хотя я никогда и не пользовался ими. Посмотрели бы вы на меня, когда я лежал, бывало, на боку! Никогда не забыть мне моей первой невесты - завязки! Она была такая тонкая, нежная, мягкая! Она бросилась из-за меня в лохань! Была тоже одна вдовушка; она дошла просто до белого каления!.. Но я оставил ее, и она почернела с горя! Еще была первая танцовщица; это она ранила меня, - видите? Бедовая была! Моя собственная гребенка тоже любила меня до того, что порастеряла от тоски все свои зубы! Вообще немало у меня было разных приключений!.. Но больше всего жаль мне подвязку, то бишь - завязку, которая бросилась из-за меня в лохань. Да, много у меня кое-чего на совести!.. Пора, пора мне стать белой бумагой!

Желание его сбылось: все тряпье стало белой бумагой, а воротничок - как раз вот этим самым листом, на котором напечатана его история, - так он был наказан за свое хвастовство. И нам тоже не мешает быть осторожнее: как знать? Может быть, и нам придется в конце концов попасть в тряпье да стать белой бумагой, на которой напечатают нашу собственную историю, и вот пойдешь разносить по белу свету всю подноготную о самом себе!

Улитка и розы

Сад окружала живая изгородь из орешника. За нею начинались поля и луга, где паслись коровы и овцы. Посреди сада цвел розовый куст, а под ним сидела улитка. Она была богата внутренним содержанием - содержала самое себя.

- Погодите, придет и мое время! - сказала она. - Я дам миру кое-что поважнее этих роз, орехов или молока, что дают коровы и овцы.

- Я многого ожидаю от вас, - сказал розовый куст. - Позвольте же узнать, когда это будет?

- Время терпит. Это вот вы все торопитесь! А торопливость ослабляет впечатление.

На другой год улитка лежала чуть ли не на том же самом месте, на солнце, под розовым кустом. Куст выпускал бутоны и расцветал розами, каждый раз свежими, каждый раз новыми.

Улитка наполовину выползла из раковины, наострила рожки и вновь подобрала.

- Все как в прошлом году! Никакого прогресса. Розовый куст остается при своих розах - и ни шагу вперед!

Прошло лето, прошла осень, розовый куст пускал бутоны, и расцветал розами, пока не выпал снег. Стало сыро, холодно; розовый куст пригнулся к земле, улитка уползла в землю.

Опять настала весна, появились розы, появилась улитка.

- Теперь уже вы стары! - сказала она розовому кусту. - Пора бы и честь знать. Вы дали миру все, что могли. Много ли - это вопрос, которым мне некогда заниматься. Да что вы ничего не сделали для своего внутреннего развития, это ясно. Иначе из вас вышло бы что-нибудь другое. Что вы скажете в свое оправдание? Ведь вы скоро обратитесь в сухой хворост. Вы понимаете, о чем я говорю?

- Вы меня пугаете, - сказал розовый куст. - Я никогда над этим не задумывался.

- Да, да, вы, кажется, мало затрудняли себя мышлением! А вы попробовали когда-нибудь задаться вопросом: зачем вы цветете? И как это происходит? Почему так, а не иначе?

- Нет! - сказал розовый куст. - Я просто цвел от радости и не мог иначе. Солнце такое теплое, воздух так освежающ, я пил чистую росу и обильный дождь. Я дышал, я жил! Силы поднимались в меня из земли, вливались из воздуха, я был счастлив всегда новым, большим счастьем и поэтому всегда должен был цвести. Такова моя жизнь, я не мог иначе.

- Словом, вы жили не тужили! - сказала улитка.

- Конечно! Мне было все дано! - отвечал розовый куст. - Но вам дано еще больше! Вы одна из тех мыслящих, глубоких, высокоодаренных натур, которым суждено удивить мир.

- Была охота! - сказала улитка. - Я знать не желаю вашего мира. Какое мне до него дело? Мне довольно самой себя.

- Да, но мне кажется, все мы, живущие на земле, должны делиться с другими лучшим, что в нас есть! Отдавать им все, что можем!.. Да, я дал миру только розы... А вы? Вам дано так много. Что дали миру вы? Что вы ему дадите?

- Что дала я? Что дам? Плевать мне на мир! Он мне ни к чему! Мне дела до него нет! Снабжайте его розами, вас только на это и хватит! Пусть орешник дает ему орехи, коровы и овцы - молоко, у них своя публика! Моя же - во мне самой! Я замкнусь в себе самой - и баста. Мне нет дела до мира!

И улитка заползла в свою раковину и закрылась в ней.

- Как печально! - сказал розовый куст. - А я и хотел бы, да не могу замкнуться в себе. У меня все прорывается наружу, прорывается розами. Лепестки их опадают и разносятся ветром, но я видел, как одну из моих роз положила в книгу мать семейства, другую приютила на своей груди прелестная молодая девушка, третью целовали улыбающиеся губки ребенка. И я был так счастлив, я находил в этом истинную усладу. Вот мои воспоминания, моя жизнь!

И розовый куст цвел во всей своей простоте и невинности, а улитка тупо дремала в своей раковине - ей не было дела до мира.

Шли годы...

Улитка стала прахом от праха, и розовый куст стал прахом от праха, истлела в книге и роза воспоминаний... Но в саду цвели новые розовые кусты, в саду росли новые улитки. Они заползали в свои домики и плевались - им не было дела до мира. Не начать ли эту историю сначала? Она будет все та же.

Директор кукольного театра

В числе пассажиров на пароходе находился пожилой господин; лицо у него было такое веселое, довольное, что, не лги оно только, обладателя его приходилось признать счастливейшим человеком на свете. Да так оно и было - он сам сказал мне это. Оказался он моим земляком, датчанином, и директором странствующей труппы. Всю труппу он возил с собою в большом сундуке: он был директором кукольного театра. Природный веселый нрав господина директора прошел через горнило испытания и закалился благодаря эксперименту одного политехника. Последний превратил директора в истинного счастливца. Сразу я не смекнул, в чем было дело; тогда он подробно рассказал мне всю историю. Вот она.

- Дело было в городе Слагельсе, - рассказывал он. - Я давал представление в зале на почтовой станции; сбор был полный, публика блестящая, но совсем зеленая, за исключением двух-трех пожилых матрон. Вдруг входит господин в черной паре, с виду студент, садится и где следует смеется, где следует аплодирует!.. Зритель не из обыкновенных! Я захотел узнать, кто он такой. Слышу - кандидат политехнических наук, командированный в провинцию просвещать народ. В восемь часов вечера представление мое кончилось, детям надо ведь ложиться спать пораньше, а мое дело заботиться об удобствах публики. В девять часов начал читать лекцию и показывать свои опыты кандидат, и теперь я превратился в слушателя. Да, оно и стоило послушать и поглядеть! Правда, большую часть лекции впору было понять разве пастору, как это у нас говорится, но все же я кое-что понял, а главное, усвоил себе мысль, что если мы, люди, способны додуматься до таких вещей, то должны годиться кое на что и после того, как нас упрячут в землю. Кандидат положительно делал маленькие чудеса, но все выходило у него так просто, естественно! Во времена Моисея и пророков такой политехник прослыл бы за одного из первых мудрецов, а в средние века его бы просто сожгли! Всю ночь я не мог заснуть; на другой день вечером я опять давал представление; кандидат снова присутствовал, и я был, что называется, в ударе. Я слышал от одного актера, что он, играя роли первых любовников, всегда имел в виду одну из зрительниц, для нее одной и играл, забывая всех остальных. Такою "зрительницей" стал для меня кандидат; для него я и играл. Представление кончилось, всю мою труппу вызвали, а меня кандидат пригласил к себе распить с ним в компании бутылочку вина. Он говорил о моем театре, а я - о его науке, и думаю, что оба мы были одинаково довольны друг другом, но я в своем деле все-таки перещеголял его: он-то многих из своих фокусов и сам объяснить не мог. Почему, например, железная пластинка, пропущенная сквозь спираль, намагничивается? Она словно одухотворяется, но как, чем? Вот и с людьми то же самое, думается мне: создатель пропускает их через спираль времени, на них нисходит дух, и вот вам - Наполеон, Лютер или кто-нибудь другой в этом роде. "Мир - ряд чудес, сказал мой кандидат, - но мы так привыкли к ним, что зовем их обыденными явлениями". И он пустился в объяснения; под конец мне стало казаться, что мне как будто приподняли темя и мозговое помещение мое расширилось! Я сознался, что, не уйди уже мое время, я бы сейчас же поступил в политехнический институт, учиться разбирать мир по косточкам, даром что я и без того один из счастливейших людей на свете! "Один из счастливейших людей!" - повторил кандидат, словно смакуя мои слова. - Так вы счастливы?" - "Да!" - ответил я. - Я счастлив; меня с моей труппой принимают отлично во всех городах. Правда, есть у меня одно желание, которое иногда дразнит меня, как бесенок, и смущает мой веселый нрав... Мне бы хотелось стать директором настоящей труппы!" - "Вы хотели бы оживить своих марионеток? Желали бы, чтобы они сделались настоящими актерами, а вы директором настоящей труппы?" - спросил меня

кандидат. - Вы думаете, что будете тогда вполне счастливы?"

Сам он этого не думал, а я думал, и мы долго спорили, но каждый остался при своем мнении. Разговаривая, мы не переставали чокаться: вино было доброе, но не простое, что ни говори; иначе пришлось бы объяснить всю историю тем, что я попросту наклюкался! Но пьян я не был, ни-ни!.. Вдруг вижу, всю комнату точно озарило солнцем; лицо кандидата так и светится. Мне сейчас вспомнились сказания о вечно юных богах древности, разгуливавших по свету. Я сказал ему об этом, он улыбнулся, и я готов был поклясться, что передо мною сидит сам переодетый бог или один из сродников богов. Так оно и было; и вот желанию моему суждено было исполниться: куклы должны были сделаться живыми людьми, а я - настоящим директором. По этому случаю мы выпили еще; потом кандидат запрятал всех моих кукол в сундук, привязал его к моей спине и пропустил меня через спираль. Я и теперь еще слышу, как я шлепнулся на пол!

В самом деле, я лежал на полу, а вся моя труппа выпрыгнула из ящика. Куклы превратились в замечательных артистов - это они сами мне сказали, - а я был их директором. Все было готово к первому представлению, но вся труппа желала поговорить со мною, публика тоже. Первая танцовщица заявила, что, если она не будет стоять на одной ножке, сборы падут; она являлась главным лицом в труппе и требовала соответственного обращения с собою. Кукла, игравшая королев, желала, чтобы с нею и вне сцены обходились как с королевой, - иначе она отвыкнет от своего амплуа! Выходной актер, являвшийся с письмами, воображал себя такою же артистическою величиною, как и первый любовник: нет ни малых, ни великих актеров, все одинаково важны в смысле сценического ансамбля! Трагик же требовал, чтобы вся его роль сплошь состояла из одних сильных мест: за ними ведь следуют аплодисменты и вызовы. Примадонна хотела играть только при красном бенгальском освещении - это ей шло, а голубое было не к лицу. Словом, все жужжали, точно мухи в бутылке, а в середине ее сидел я сам - я был директором! Дыхание спиралось у меня в груди, голова кружилась, я очутился в самом жалком положении, в какое только может попасть человек: меня окружала совсем новая порода людей! Я от души желал упрятать их всех опять в сундук и вовеки не бывать настоящим директором! Я и сказал им прямо, что все они, в сущности, только марионетки, а они за это избили меня до полусмерти.

Очнулся я на своей постели, в своей комнате. Как я попал туда от кандидата, знает он, а не я. Месяц светил прямо на пол, а на полу валялся опрокинутый сундук и вокруг него все мои куклы, малые и большие, - вся труппа! Я зевать не стал, спрыгнул с постели, побросал их всех в сундук, которых ногами вниз, которых головой, захлопнул крышку и сам уселся на нее. Вот-то была картина! Можете вы себе представить ее? Я могу. "Ну-с, теперь вы останетесь там! - сказал я куклам. - А я никогда больше не пожелаю оживить вас!" На душе у меня стало так легко, я опять был счастливейшим человеком. Кандидат политехнических наук просветил меня. Я был до того счастлив, что как сидел на сундуке, так и заснул. Утром - скорее, впрочем, в полдень, я непостижимо долго спал в этот день! - я проснулся и увидел, что все еще сижу на сундуке. Теперь я был вполне счастлив: я убедился, что мое прежнее желание было просто глупостью. Я справился о кандидате, но он исчез, как исчезали греческие и римские боги. С тех пор и я остаюсь счастливейшим человеком. Ну, не счастливый ли я в самом деле директор? Труппа моя не рассуждает, публика тоже, а забавляется себе от всей души. И я свободно могу сам сочинять для себя пьесы. Из всех пьес я беру что хочу - самое лучшее, и никто не в претензии. Есть такие пьесы, которыми теперь директора больших театров пренебрегают, но которые лет тридцать тому назад давали полные сборы, заставляли публику проливать слезы: я даю эти пьесы на своей сцене, и малыши плачут, как, бывало, плакали их папаши и мамыши. Я даю "Иоганну Монфокон" и "Дювеке" - конечно, в сокращенном виде: малыши не любят длинной любовной канители; им хоть несчастливо, да скоро. Так-то изъездил я всю Данию и

вдоль и поперек, знаю всех, и меня знают все. Теперь вот направляюсь в Швецию; посчастливится мне там, наживу деньжонок - сделаюсь скандинавом (приверженцем идеи объединения всех трех северных государств), а иначе - нет; говорю вам откровенно, как своему земляку!

А я в качестве такового, конечно, не замедлил рассказать о своей встрече вам; такая уж у меня повадка - рассказывать.

Старый уличный фонарь

Слыхали вы историю про старый уличный фонарь? Она не то чтобы так уж занята, но послушать ее разок не мешает. Так вот, жил-был этаким почтенный старый уличный фонарь; он честно служил много-много лет и наконец должен был выйти в отставку.

Последний вечер висел фонарь на своем столбе, освещая улицу, и на душе у него было как у старой балерины, которая в последний раз выступает на сцене и знает, что завтра будет всеми забыта в своей каморке.

Завтрашний день страшил старого служаку: он должен был впервые явиться в ратушу и предстать перед "тридцатью шестью отцами города", которые решат, годен он еще к службе или нет. Возможно, его еще отправят освещать какой-нибудь мост или пошлют в провинцию на какую-нибудь фабрику, а возможно, просто сдадут в переплавку, и тогда из него может получиться что угодно. И вот его мучила мысль: сохранит ли он воспоминание о том, что был когда-то уличным фонарем. Так или иначе, он знал, что ему в любом случае придется расстаться с ночным сторожем и его женой, которые стали для него все равно что родная семья. Оба они - и фонарь и сторож - поступили на службу одновременно. Жена сторожа тогда высоко метила и, проходя мимо фонаря, достаивала его взглядом только по вечерам, а днем никогда. В последние же годы, когда все трое - и сторож, и его жена, и фонарь - состарились, она тоже стала ухаживать за фонарем, чистить лампу и наливать в нее ворвань. Честные люди были эти старики, ни разу не обделили фонарь ни на капельку.

Итак, светил он на улице последний вечер, а поутру должен был отправиться в ратушу. Мрачные эти мысли не давали ему покоя, и не мудрено, что и горел он неважно. Впрочем, мелькали у него и другие мысли; он многое видел, на многое довелось ему пролить свет, быть может, он не уступал в этом всем "тридцати шести отцам города". Но он молчал и об этом. Он ведь был почтенный старый фонарь и не хотел никого обижать, а уж свое начальство тем более.

А между тем многое вспоминалось ему, и время от времени пламя его вспыхивало как бы от таких примерно мыслей:

"Да, и обо мне кто-нибудь вспомнит! Вот хоть бы тот красивый юноша... Много лет прошло с тех пор. Он подошел ко мне с письмом в руках. Письмо было на розовой бумаге, тонкой-претонкой, с золотым обрезаем, и написано изящным женским почерком. Он прочел его дважды, поцеловал и поднял на меня сияющие глаза. "Я самый счастливый человек на свете!" - говорили они. Да, только он да я знали, что написала в своем первом письме его любимая.

Помню я и другие глаза... Удивительно, как перескакивают мысли! По нашей улице двигалась пышная похоронная процессия. На обитой бархатом повозке везли в гроб молодую прекрасную женщину. Сколько было венков и цветов! А факелов горело столько, что они совсем затмили мой свет. Тротуары были заполнены людьми, провожавшими гроб. Но когда факелы скрылись из виду, я огляделся и увидел человека, который стоял у моего столба и

плакал. - Никогда мне не забыть взгляда его скорбных глаз, смотревших на меня!"

И много о чем еще вспоминал старый уличный фонарь в этот последний вечер. Часовой, сменяющийся с поста, тот хоть знает, кто заступит его место, и может перекинуться со своим товарищем несколькими словами. А фонарь не знал, кто придет ему на смену, и не мог рассказать ни о дожде и непогоде, ни о том, как месяц освещает тротуар и с какой стороны дует ветер.

В это-то время на мостик через водосточную канаву и явились три кандидата на освобождающееся место, полагавшие, что назначение на должность зависит от самого фонаря. Первым была селедочная головка, светящаяся в темноте; она полагала, что ее появление на столбе значительно сократит расход ворвани. Вторым была гнилушка, которая тоже светилась и, по ее словам, даже ярче, чем вяленая треска; к тому же она считала себя последним остатком всего леса. Третьим кандидатом был светлячок; откуда он взялся, фонарь никак не мог взять в толк, но тем не менее светлячок был тут и тоже светился, хотя селедочная головка и гнилушка клятвенно уверяли, что он светит только временами, а потому не в счет.

Старый фонарь сказал, что ни один из них не светит настолько ярко, чтобы служить уличным фонарем, но ему, конечно, не поверили. А узнав, что назначение на должность зависит вовсе не от него, все трое выразили глубокое удовлетворение - он ведь слишком стар, чтобы сделать верный выбор.

В это время из-за угла налетел ветер и шепнул фонарю под колпак:

- Что такое? Говорят, ты уходишь завтра в отставку? И я вижу тебя здесь в последний раз? Ну, так вот тебе от меня подарок. Я проветрю твою черепную коробку, и ты будешь не только ясно и отчетливо помнить все, что видел и слышал сам, но и видеть как наяву все, что будут рассказывать или читать при тебе. Вот какая у тебя будет свежая голова!

- Не знаю, как тебя и благодарить! - сказал старый фонарь. - Лишь бы не попасть в переплавку!

- До этого еще далеко, - отвечал ветер. - Ну, сейчас я проветрю твою память. Если бы ты получил много таких подарков, у тебя была бы приятная старость.

- Лишь бы не попасть в переплавку! - повторил фонарь. - Или, может, ты и в этом случае сохранишь мне память? - Будь же благоразумен, старый фонарь! - сказал ветер и дунул.

В эту минуту выглянул месяц.

- А вы что подарите? - спросил ветер.

- Ничего, - ответил месяц. - Я ведь на ущербе, к тому же фонари никогда не светят за меня, всегда я за них.

И месяц опять спрятался за тучи - он не хотел, чтобы ему надоедали. Вдруг на железный колпак фонаря капнула капля. Казалось, она скати-

лась с крыши, но капля сказала, что упала из серых туч, и тоже - как подарок, пожалуй даже самый лучший.

- Я проточу тебя, - сказала капля, - так что ты получишь способность в любую ночь, когда только пожелаешь, обратиться в ржавчину и рассыпаться прахом.

Фонарю этот подарок показался плохим, ветру - тоже.

- Кто даст больше? Кто даст больше? - зашумел он что было сил.

И в ту же минуту с неба скатилась звезда, оставив за собой длинный светящийся след.

- Что это? - вскрикнула селедочная головка. - Никак, звезда с неба упала? И кажется, прямо на фонарь. Ну, если этой должности помогают столь высокопоставленные особы, нам остается только откланяться и убраться восвояси.

Так все трое и сделали. А старый фонарь вдруг вспыхнул особенно ярко.

- Вот это чудесный подарок! - сказал он. - Я всегда так любовался ясными звездами, их дивным светом! Сам я никогда не мог светить, как они, хотя стремился к этому всем сердцем. И вот они заметили меня, жалкий старый фонарь, и послали мне в подарок одну из своих сестриц. Они одарили меня способностью показывать тем, кого я люблю, все, что я помню и вижу сам. Вот это поистине удовольствие! А то и радость не в радость, если нельзя поделиться ею с другими.

- Почтенная мысль, - сказал ветер. - Но ты, верно, не знаешь, что к этому дару полагается восковая свеча. Ты никому ничего не сможешь показать, если в тебе не будет гореть восковая свеча. Вот о чем не подумали звезды. И тебя, и все то, что светится, они принимают за восковые свечи. Ну, а теперь я устал, пора улечься, - сказал ветер и улегся.

На другое утро... нет, через день мы лучше перескачем - на следующий вечер фонарь лежал в кресле, и у кого же? У старого ночного сторожа. За свою долгую верную службу старик попросил у "тридцати шести отцов города" старый уличный фонарь. Те посмеялись над ним, но фонарь отдали. И вот теперь фонарь лежал в кресле возле теплой печи и, казалось, будто вырос от этого - он занимал чуть ли не все кресло. Старички уже сидели за ужином и ласково поглядывали на старый фонарь: они охотно посадили бы его с собой хоть за стол.

Правда, жили они в подвале, на несколько локтей под землей, и чтобы попасть в их каморку, надо было пройти через вымощенную кирпичом прихожую, зато в самой каморке было тепло и уютно. Двери были обиты по краям войлоком, кровать пряталась за пологом, на окнах висели занавески, а на подоконниках стояли два диковинных цветочных горшка. Их привез матрос Христиан не то из Ост-Индии, не то из Вест-Индии. Это были глиняные слоны с углублением на месте спины, в которое насыпалась земля. В одном слоне рос чудесный лук-порей - это был огород старичков, в другом пышно цвела герань - это был их сад. На стене висела большая масляная картина, изображающая Венский конгресс, на котором присутствовали разом все императоры и короли. Старинные часы с тяжелыми свинцовыми гирями тикали без умолку и вечно убегали вперед, но это было лучше, чем если бы они отставали, говорили старички.

Итак, сейчас они ужинали, а старый уличный фонарь лежал, как сказано выше, в кресле возле теплой печки, и ему казалось, будто весь мир перевернулся вверх дном. Но вот старик сторож взглянул на него и стал припоминать все, что им довелось пережить вместе в дождь и в непогоду, в ясные, короткие летние ночи и в снежные метели, когда так и тянет в подвальчик, - и старый фонарь словно очнулся и увидел все это как наяву.

Да, славно его проветрил ветер!

Старички были люди работающие и любознательные, ни один час не пропадал у них зря. По воскресеньям после обеда на столе появлялась какая-нибудь книга, чаще всего описание путешествия, и старик читал вслух про Африку, про ее огромные леса и диких слонов, которые

бродят на воле. Старушка слушала и поглядывала на глиняных слонов, служивших цветочными горшками.

- Воображаю! - приговаривала она.

А фонарю так хотелось, чтобы в нем горела восковая свеча, - тогда старушка, как и он сам, наяву увидела бы все: и высокие деревья с переплетающимися густыми ветвями, и голых черных людей на лошадях, и целые стада слонов, утаптывающих толстыми ногами тростник и кустарник.

- Что проку в моих способностях, если нет восковой свечи? - вздыхал фонарь. - У стариков только ворвань да сальные свечи, а этого мало.

Но вот в подвале оказалась целая куча восковых огарков. Длинные шли на освещение, а короткими старушка вошила нить, когда шила. Восковые свечи теперь у стариков были, но им и в голову не приходило вставить хоть один огарок в фонарь.

- Ну, вот и стою я тут со всеми моими редкими способностями, - говорил фонарь. - Внутри у меня целое богатство, а я не могу им поделиться! Ах, вы не знаете, что я могу превратить эти белые стены в чудесную обивку, в густые леса, во все, чего вы пожелаете!.. Ах, вы не знаете!

Фонарь, всегда вычищенный и опрятный, стоял в углу, на самом видном месте. Люди, правда, называли его старым хламом, но старики пропускали такие слова мимо ушей - они любили старый фонарь.

Однажды, в день рождения старого сторожа, старушка подошла к фонарю, улыбнулась и сказала:

- Сейчас мы зажжем в его честь иллюминацию!

Фонарь так и задрезжал колпаком от радости. "Наконец-то их осенило!" - подумал он.

Но досталась ему опять ворвань, а не восковая свеча. Он горел весь вечер и знал теперь, что дар звезд - чудеснейший дар - так и не пригодится ему в этой жизни.

И вот пригрезилось фонарю - с такими способностями не мудрено и грезить, - будто старики умерли, а сам он попал в переплавку. И страшно ему, как в тот раз, когда предстояло явиться в ратушу на смотр к "тридцати шести отцам города". И хотя он обладает способностью по своему желанию рассыпаться ржавчиной и прахом, он этого не сделал, а попал в плавильную печь и превратился в чудесный железный подсвечник в виде ангела с букетом в руке. В букет вставили восковую свечу, и подсвечник занял свое место на зеленом сукне письменного стола. Комната очень уютна; все полки заставлены книгами, стены увешаны великолепными картинами. Здесь живет поэт, и все, о чем он думает и пишет, разворачивается перед ним, как в панораме. Комната становится то дремучим темным лесом, то озаренными солнцем лугами, по которым расхаживает аист, то палубой корабля, плывущего по бурному морю...

- Ах, какие способности скрыты во мне! - сказал старый фонарь, очнувшись от грез. - Право, мне даже хочется попасть в переплавку. Впрочем, нет! Пока живы старички - не надо. Они любят меня таким, какой я есть, я для них все равно что сын родной. Они чистят меня, заливают ворвань, и мне здесь не хуже, чем всем этим высокопоставленным особам на конгрессе.

С тех пор старый уличный фонарь обрел душевное спокойствие - и он его заслужил.

Немая книга

У проселочной дороги, в лесу, стоит одинокий крестьянский дом. Проходим прямо во двор; солнышко так и сияет, все окошки открыты, жизнь кипит ключом, но в беседке из цветущей сирени стоит открытый гроб. В нем лежит покойник; его будут хоронить сегодня утром, а пока поставили в беседку. Никто не стоит возле гроба, никто не скорбит об умершем, никто не плачет над ним. На лицо его наброшен белый покров, а голова покоится на большой, толстой книге; листы ее из простой, серой бумаги; между ними скрыты и забыты засушенные цветы. Книга эта - целый гербарий, собранный по разным местам, и должна быть зарыта вместе с умершим: так он велел; с каждым цветком связана была ведь целая глава из его жизни.

- Кто он? - спросили мы, и нам ответили:

- Старый студент из Упсалы! Когда-то он был способным малым, изучал древние языки, пел и даже, говорят, писал стихи. Но потом с ним что-то приключилось, и он стал топить свои мысли и душу в водке; в ней же потонуло и его здоровье, и вот он поселился здесь, в деревне; кто-то платил за его помещение и стол. Он был кроток и набожен, как дитя, но иногда на него находили минуты мрачного отчаяния; тогда с ним трудно было справиться, и он убегал в лес, как гонимый зверь. Стоило, однако, залучить его домой да подсунуть ему книгу с засушенными растениями, и он сидит, бывало, по целым дням, рассматривая то тот, то другой цветок. Иной раз по его щекам бежали при этом крупные слезы. Бог знает, о чем он думал в такие минуты! И вот он просил положить эту книгу ему в гроб; теперь она лежит у него под головой. Сейчас гроб заколотят, и бедняга успокоится в могиле навеки!

Мы приподняли покров. Миром и спокойствием веяло от лица покойного; солнечный луч озарял его чело; стрелой влетела в беседку ласточка, быстро повернулась на лету над головой покойника, прощепетала что-то и скрылась.

Какое-то странное чувство, знакомое, вероятно, всем, овладевает душой, когда начнешь перечитывать старые письма, относящиеся к дням нашей юности. Перед взором словно всплывает целая жизнь со всеми ее надеждами и печалью. Сколько из тех людей, с которыми мы когда-то жили душа в душу, умерло с тех пор для нас! Правда, они живы и до сих пор, но мы столько лет уже не вспоминали о них! А ведь когда-то думали, что вечно будем делить с ними и горе и радость.

Вот засушенный дубовый листок. Невольно приходит на ум друг, товарищ школьных лет, друг на всю жизнь! Он сам воткнул этот листок в фуражку студента, сорвав его в зеленом лесу, где был заключен товарищеский союз на всю жизнь! Где же этот друг теперь?.. Листок был спрятан, друг забыт! А вот веточка какого-то чужеземного тепличного растения, слишком нежного, чтобы расти в садах севера. Сухие листики как будто еще сохранили свой аромат! Эту веточку дала ему она... она - цветок, взлелеянный в дворянской теплице! Вот белая кувшинка; он сам сорвал и оросил горькими слезами этот цветок - дитя тихих, стоячих вод. Вот крапива! О чем говорят ее листья? О чем думал он сам, срывая и пряча ее? Вот лесной ландыш; вот веточка козьей жимолости из цветочного горшка, стоявшего на окне постоянного двора, а вот голые, острые травяные стебли!

Душистые, усыпанные цветами ветви сирени склоняются к челу усопшего; снова пролетает ласточка: "кви-вит, кви-вит!.." Приходят люди с молотком и гвоздями; покойник скрывается под крышкой навеки; голова его покоится на немой книге. Скрыто - забыто!

Последний сон старого дуба

(Рождественская сказка)

В лесу, высоко на круче, на открытом берегу моря стоял старый-престарый дуб, и было ему ровно триста шестьдесят пять лет, - срок немалый, ну а для дерева это все равно что для нас, людей, столько же суток. Мы бодрствуем днем, спим и видим сны ночью. С деревом дело обстоит иначе: дерево бодрствует три времени года и засыпает только к зиме. Зима - время его сна, его ночь после долгого дня - весны, лета и осени.

В теплые летние дни вокруг его кроны плясали мухиподенки; они жили, порхали и были счастливы, а когда одно из этих крошечных созданий в тихом блаженстве опускалось отдохнуть на большой свежий лист, дуб всякий раз говорил:

- Бедняжка! Вся твоя жизнь - один-единственный день! Такая короткая... Как печально!

- Печально? - отвечала поденка. - О чем это ты? Кругом так светло, тепло и чудесно! Я так рада!

- Да ведь всего один день - и конец!

- Конец? - говорила поденка. - Чему конец? И тебе тоже?

- Нет, я-то, может, проживу тысячи твоих дней, мой день тянется целые времена года! Ты даже и сосчитать не можешь, как это долго!

- Нет, не понимаю я тебя! У тебя тысячи моих дней, а у меня тысячи мгновений, и в каждом радость и счастье! Ну, а разве с твоей смертью умрет и вся краса мира?

- Нет, - отвечал дуб. - Мир будет существовать куда дольше, бесконечно, я и представить себе не могу, как долго!

- Так, значит, нам с тобой дано поровну, только считаем мы по-разному!

И поденка плясала и кружилась в воздухе, радовалась своим нежным, изящным, прозрачно-бархатистым крылышкам, радовалась теплоте воздуха, напоенному запахом клевера, шиповника, бузины и жимолости. А как пахли ясенник, примулы и мята! Воздух был такой душистый, что впору было захмелеть от него. Что за долгий и чудный был день, полный радости и сладостных ощущений! А когда солнце садилось, мушка чувствовала такую приятную усталость, крылья отказывались ее носить, она тихо опускалась на мягкую колеблющуюся былинку, сникала головой и сладко засыпала. Это была смерть.

- Бедняжки! - говорил дуб. - Уж слишком короткая у них жизнь!

И каждый летний день повторялась та же пляска, тот же разговор, ответ и засыпание; так повторялось с целыми поколениями поденок, и все они были одинаково веселы, одинаково счастливы.

Дуб бодрствовал свое утро - весну, свой полдень - лето и свой вечер - осень, наступала пора засыпать и ему, приближалась его ночь - зима.

Вот запели бури: "Покойной ночи! Покойной ночи! Тут лист упал, там лист упал! Мы их обрываем, мы их обрываем! Постарайся заснуть! Мы тебя убаюкаем, мы тебя укачаем! Не

правда ли, как хорошо твоим старым ветвям? Их так и ломит от удовольствия! Спи сладко, спи сладко! Это твоя триста шестьдесят пятая ночь, ведь ты еще все равно что годовалый малыш! Спи сладко! Облака сыплют снег, он ляжет простыней, мягким покрывалом вокруг твоих ног! Спи сладко, приятных тебе снов!"

И дуб сбросил с себя листву, собравшись на покой, готовясь уснуть, провести в грезах всю долгую зиму, видеть во сне картины пережитого, как видят их во сне люди.

Он тоже был когда-то маленьким, и колыбелью ему был желудь. По человеческому счету он был теперь на сороковом десятке. Больше, великолепнее его не было дерева в лесу. Вершина его высоко возносилась над всеми деревьями и была видна с моря издалека, служила приметой для моряков. А дуб и не знал о том, сколько глаз искало его. В его зеленой кроне гнездились лесные голуби, куковала кукушка, а осенью, когда листья его казались выкованными из меди, на ветви присаживались перелетные птицы, отдохнуть перед тем, как пуститься через море. Но сейчас, зимой, дуб стоял без листьев, и видно было, какие у него изгибистые, узловатые сучья; вороны и галки по очереди садились на них и говорили о том, какая тяжелая настала пора, как трудно будет зимой добывать прокорм.

В ночь под рождество дубу приснился самый чудный сон его жизни. Послушаем же!

Он как будто чувствовал, что время настало праздничное, ему слышался вокруг звон колоколов, грезился теплый тихий летний день. Он широко раскинул свою могучую зеленую крону; между его ветвями и листьями играли солнечные лучи, воздух был напоен ароматом трав и кустов; пестрые бабочки гонялись друг за другом; мухи-поденки плясали, как будто все только и существовало для их пляски и веселья. Все, что из года в год переживал и видел вокруг себя дуб, проходило теперь перед ним словно в праздничном шествии. Ему виделись конные рыцари и дамы прошлых времен, с перьями на шляпах и соколами на руке. Они проезжали через лес, трубил охотничий рог, лаяли собаки. Ему виделись вражеские солдаты в блестящих латах и пестрых одеждах, с пиками и алебардами; они разбивали палатки, а затем снимали их. Пылали бивачные костры, люди пели и спали под широко раскинувшимися ветвями дуба. Ему виделись счастливые влюбленные, они встречались здесь в лунном свете и вырезали первую букву своих имен на его иссера-зеленой коре. Веселые странствующие подмастерья, бывало, - с тех пор прошло много, много лет, - развешивали на его ветвях цитры и эоловы арфы, и теперь они висели опять и звучали опять так призывно. Лесные голуби ворковали, словно хотели рассказать, что чувствовало при этом дерево, кукушка куковала, сколько летних дней ему еще осталось жить.

И вот словно новый поток жизни заструился в нем от самых маленьких корешков до самых высоких ветвей и листьев. И чудилось ему, что он потягивается, чужаясь жизнь и тепло в корнях там, под землей, чужалось, как прибывают силы. Он рос все выше и выше, ствол быстро, безостановочно тянулся ввысь, крона становилась все гуще, все пышнее, все раскидистее. И чем больше вырастало дерево, тем больше росла в нем радостная жажда вырасти еще выше, подняться к самому солнцу, сверкающему и горячему.

Вершина дуба уже поднялась над облаками, которые неслись внизу, как стаи перелетных птиц или белых лебедей.

Дуб видел каждым листком своим, словно у каждого были глаза. Он видел и звезды среди дня, и были они такие большие, блестящие! Каждая светила, словно пара ясных, кротких очей, напоминая о других знакомых глазах - глазах детей и влюбленных, которые встречались под его кроной.

Дуб переживал чудные, блаженные мгновенья. И все-таки ему не доставало его лесных друзей... Ему так хотелось, чтобы и все другие деревья, все кусты, травы и цветы поднялись вместе с ним, ощутили ту же радость, увидели тот же блеск, что и он. Могучий дуб даже и в эти минуты блаженного сна не был вполне счастлив: ему хотелось разделить свое счастье со всеми

- и малыми и большими, и чувство это трепетало в каждой его ветке, каждом листке страстно и горячо, словно в человеческой груди.

Крона дуба шевелилась, словно искала чего-то, словно ей чего-то не доставало; он поглядел вниз и вдруг услышал запах ясенника, а потом и еще более сильный запах жимолости и фиалок, и ему показалось даже, что он слышит кукушку.

И вот сквозь облака проглянули зеленые верхушки леса. Дуб увидел под собой другие деревья, они тоже росли и тянулись вверх; кусты и травы тоже. Некоторые даже вырывались из земли с корнями, чтобы лететь быстрее. Впереди всех была береза; словно белая молния, устремлялся вверх ее стройный ствол, ветви развевались, как зеленые покрывала и знамена. Все лесные растения, даже коричневые султаны тростника, поднимались к облакам; птицы с песнями летели за ними, а на былинке, зыбившейся на ветру, как длинная зеленая лента, сидел кузнечик и наигрывал крылышком на своей тонкой ножке. Гудели майские жуки, жужжали пчелы, заливались во все горло птицы; все в поднебесье пело и ликовало.

"А где же красный водяной цветок? Пусть и он будет с нами! - сказал дуб. - И голубой колокольчик, и малютка маргаритка!"

Дуб всех хотел видеть возле себя.

"Мы тут, мы тут!" - раздавалось со всех сторон.

"А красивый прошлогодний ясенник? А ковер ландышей, что расстился здесь год назад? А чудесная дикая яблонька и все те, кто украшал лес много, много лет? Если б они дожили до этого мгновенья, они были бы с нами!"

"Мы тут, мы тут!" - раздавалось в вышине, будто отвечавшие пролетели как раз над ним.

"Нет, до чего же хорошо, просто не верится! - ликовал старый дуб. - Они все тут со мной, и малые и большие! Ни один не забыт! Возможно ли такое счастье?"

"Все возможно!" - прозвучало в ответ.

И старый дуб, не перестававший расти, почувствовал вдруг, что совсем отделяется от земли.

"Ничего не может быть лучше! - сказал он. - Теперь меня не удерживают никакие узы! Я могу взлететь к самому источнику света и блеска! И все мои дорогие друзья со мною! И малые и большие - все!"

"Все!"

Вот что снилось старому дубу. И пока он грезил, над землей и морем бушевала страшная буря - это было в рождественскую ночь. Море накатывало на берег тяжелые валы, дуб скрипел и трещал и был вырван с корнями в ту самую минуту, когда ему снилось, что он отделяется от земли. Дуб рухнул... Триста шестьдесят пять лет его жизни стали теперь как один день для мухи-поденки.

В рождественское утро, когда взошло солнце, буря утихла. Празднично звонили колокола, из всех труб, даже из трубы самой бедной хижины, вился голубой дымок, словно жертвенный фимиам в праздник друидов. Море все более успокаивалось, и на большом корабле, выдержавшем ночную бурю, подняли нарядные рождественские флаги.

- А дерева-то нет больше! Ночная буря сокрушила старый дуб, нашу приметку на берегу! - сказали моряки. - Кто нам его заменит? Никто!

Вот какую надгробною речью, краткою, но сказанною от чистого сердца, почтили моряки старый дуб, поверженный бурей на снежный покров. Донеслась до дуба и старинная песнь, пропетая моряками. Они пели о рождестве, и звуки песни возносились высоко-высоко к небу, как возносился к нему в своем последнем сне старый дуб.

Счастливое семейство

Самый большой лист в нашем краю, конечно, лист лопуха. Наденешь его на животик - вот тебе и передник, положишь в дождик на голову - зонтик! Вот какой он большущий, этот лопух! И он никогда не растет в одиночку, а всегда уж где один - там и другие, роскошество, да и только! И вся эта роскошь - кушанье для улиток! А самих улиток, белых, больших, кушали в старину важные господа. Из улиток готовилось фрикасе, и господа, кушая его, приговаривали: "Ах, как вкусно!" Они и впрямь думали, что это ужасно вкусно, так вот, большие белые улитки ели лопух, потому и стали сеять лопух.

В одной старинной барской усадьбе уже давно не ели улиток, и они все повымерли. А лопух не вымер. Он рос себе да рос, и ничем нельзя было его заглушить. Все аллеи, все грядки заросли лопухом, так что и сад стал не сад, а лопушиный лес. Никто бы и не догадался, что тут прежде был сад, если бы не торчали еще где яблонька, где сливовое деревцо. Вот в этом-то лопушином лесу и жила последняя пара старых-престарых улиток.

Они сами не знали, сколько им лет, но отлично помнили, что прежде их было очень много, что они иностранной породы и что весь этот лес был насажен исключительно ради них и их родичей. Старые улитки ни разу не выходили из своего леса, но знали, что где-то есть еще нечто, называемое "господским двором", что там улиток варили до тех пор, пока они не почернеют, а потом клали на серебряное блюдо. Что было дальше, они не знали. Впрочем, не представляли они себе и того, что значит свариться и лежать на серебряном блюде, и предполагали только, что это чудесно и необыкновенно аристократично. И ни майский жук, ни жаба, ни дождевой червь, которых они об этом спрашивали, ничего не могли сказать им: никому из них еще не приходилось лежать в вареном виде на серебряном блюде.

Что же касается самих себя, то улитки отлично знали, что они, старые белые улитки, самые знатные на свете, что весь лес растет только для них, а усадьба существует лишь для того, чтобы их можно было варить и класть на серебряное блюдо.

Жили улитки уединенно и счастливо. Детей у них не было, и они взяли на воспитание улитку из простых. Приемыш их ни за что не хотел расти - он был ведь из простых, но старикам, особенно улитке-мамаше, все казалось, что он заметно увеличивается, и она просила улитку-папашу, если он не замечает этого на глаз, ощупать раковину малютки. Папаша щупал и соглашался.

Как-то раз шел сильный дождь.

- Ишь как барабанит по лопуху! - сказал улитка-папаша.

- И капли-то какие крупные! - сказала улитка-мамаша. - Вон как текут вниз по стеблям! Увидишь, как здесь будет сыро! Как я рада, что и у нас и у нашего сына такие прочные домики! Нет, что ни говори, а ведь нам дано больше, чем любым другим тварям. Сейчас видать, что мы созданы господами. У нас уже с самого рождения есть свои дома, для нас насажен целый лопушиный лес! А хотелось бы знать, как далеко он тянется и что там за ним?

- Ничего за ним нет! - сказал улитка-папаша. - Уж лучше, чем у нас тут, нигде и быть не может. Я, во всяком случае, лучшего не ищу.

- А мне, - сказала улитка-мамаша, - хотелось бы попасть на господский двор, свариться и лежать на серебряном блюде. Этого удостаивались все наши предки, и уж поверь, это что-то особенное.

- Господский двор-то, пожалуй, давно развалился, - сказал улитка-папаша, - или весь зарос лопухом, так что людям и не выбраться оттуда. Да и к чему спешить? Ты вот вечно спешишь, и сынок наш туда же, на тебя глядя. Вон он уже третий день все ползет и ползет вверх по стеблю. Просто голова кружится, как поглядишь!

- Ну, не ворчи на него! - сказала улитка-мамаша. - Он ползет остороженько. Вот, верно, будет нам утеха под старость лет, нам ведь больше и жить не для чего. Только ты подумал, откуда нам взять ему жену? Что, по-твоему, там дальше в лопухах не найдется ли кого из нашего рода?

- Черные улитки есть, конечно, - сказал улитка-папаша. - Черные улитки без домов. Но ведь это же простонародье. Да и много они о себе воображают. Впрочем, можно поручить это дело муравьям: они вечно бегают взад и вперед, точно за делом, и, уж верно, знают, где искать жену для нашего сына.

- Знаем, знаем одну красавицу из красавиц! - сказали муравьи. - Только вряд ли что-нибудь выйдет - она королева.

- Это не беда! - сказали старики. - А есть ли у нее дом?

- Даже дворец! - сказали муравьи. - Чудесный муравейник, семьсот ходов.

- Благодарим покорно! - сказала улитка-мамаша. - Сыну нашему не с чего лезть в муравейник! Если у вас нет на примете никого получше, мы поручим дело белым мошкам: они летают и в дождь и в солнышко, знают лопушиный лес вдоль и поперек.

- У нас есть невеста для вашего сына! - сказали белые мошки. - Шагах в ста отсюда на кусте крыжовника сидит в своем домике одна маленькая улитка. Живет она одна-одинешенька и как раз невестится. Это всего в ста человеческих шагах отсюда!

- Так пусть она явится к нашему сыну! У него целый лопушиный лес, а у нее всего-навсего какой-то куст!

Послали за улиткой-невестой. Она отправилась в путь и на восьмой день путешествия благополучно добралась до лопухов. Вот что значит чистота породы!

Справили свадьбу. Шесть светляков светили изо всех сил. Вообще же свадьба была тихая: старики терпеть не могли суеты и шумного веселья. Зато улитка-мамаша произнесла чудесную речь - папаша не мог, так он был растроган. И вот старики отдали молодым во владение весь лопушиный лес, сказав при этом, как они и всю жизнь говорили, что лучше этого леса ничего

нет на свете, и если молодые будут честно и благородно жить и плодиться, то когда-нибудь им или их детям доведется попасть на господский двор, и там их сварят дочерна и положат на серебряное блюдо.

Затем старики заползли в свои домики и больше уж не показывались - заснули.

А молодые улитки стали царствовать в лесу и оставили после себя большое потомство. Попасть же на господский двор и лежать на серебряном блюде им так и не довелось. Вот почему они решили, что господский двор совсем развалился, а все люди на свете повымерли. Никто им не противоречил - значит, так оно и было. И вот дождь барабанил по лопуху, чтобы позабавить улиток, солнце сияло, чтобы зеленел их лопух, и они были очень счастливы, и все семейство их было счастливо. Вот так.

Девочка, которая наступила на хлеб

Вы, конечно, слышали о девочке, которая наступила на хлеб, чтобы не запачкать башмачков, слышали и о том, как плохо ей потом пришлось. Об этом и написано, и напечатано.

Она была бедная, но гордая и спесивая девочка. В ней, как говорится, были дурные задатки. Крошкой она любила ловить мух и обрывать у них крылышки; ей нравилось, что мухи из летающих насекомых превращались в ползающих. Ловила она также майских и навозных жуков, насаживала их на булавки и подставляла им под ножки зеленый листик или клочок бумаги. Бедное насекомое ухватывалось ножками за бумагу, вертелось и изгибалось, стараясь освободиться от булавки, а Инге смеялась:

— Майский жук читает! Ишь, как переворачивает листок! С летами она становилась скорее хуже, чем лучше; к несчастью своему, она была прехорошенькая, и ей хоть и доставались щелчки, да все не такие, какие следовало.

— Крепкий нужен щелчок для этой головы! — говаривала ее родная мать. — Ребенком ты часто топтала мой передник, боюсь, что выросши ты растопчешь мне сердце!

Так оно и вышло.

Инге поступила в услужение к знатым господам, в помещичий дом. Господа обращались с нею, как со своей родной дочерью, и в новых нарядах Инге, казалось, еще похорошела, зато и спесь ее все росла да росла.

Целый год прожила она у хозяев, и вот они сказали ей:

— Ты бы навестила своих стариков, Инге!

Инге отправилась, но только для того, чтобы показаться родным в полном своем параде. Она уже дошла до околицы родной деревни, да вдруг увидала, что около пруда стоят и болтают девушки и парни, а неподалеку на камне отдыхает ее мать с охапкой хвороста, собранного в лесу. Инге — марш назад: ей стало стыдно, что у нее, такой нарядной барышни, такая оборванная мать, которая вдобавок сама таскает из лесу хворост. Инге даже не пожалела, что не повидалась с родителями, ей только досадно было.

Прошло еще полгода.

— Надо тебе навестить своих стариков, Инге! — опять сказала ей госпожа. — Вот тебе белый хлеб, снеси его им. То-то они обрадуются тебе!

Инге нарядилась в самое лучшее платье, надела новые башмаки, приподняла платице и осторожно пошла по дороге, стараясь не запачкать башмачков, — ну, за это и упрекать ее нечего. Но вот тропинка свернула на болотистую почву; приходилось пройти по грязной луже. Не долго думая, Инге бросила в лужу свой хлеб, чтобы наступить на него и перейти лужу, не замочив ног. Но едва она ступила на хлеб одною ногой, а другую приподняла, собираясь шагнуть на сухое место, хлеб начал погружаться с нею все глубже и глубже в землю — только черные пузыри пошли по луже!

Вот такая история!

Куда же попала Инге? К болотнице в пивоварню. Болотница приходится теткой лешим и лесным девам; эти-то всем известны: про них и в книгах написано, и песни сложены, и на картинах их изображали не раз, о болотнице же известно очень мало; только когда летом над лугами подымается туман, люди говорят, что «болотница пиво варит!» Так вот, к ней-то в пивоварню и провалилась Инге, а тут долго не выдержишь! Клоака — светлый, роскошный покой в сравнении с пивоварней болотницы! От каждого чана разит так, что человека тошнит, а таких чанов тут видимо-невидимо, и стоят они плотно-плотно один возле другого; если же между некоторыми и отыщется где щелочка, то тут сейчас наткнешься на съезжившихся в комок мокрых жаб и жирных лягушек. Да, вот куда попала Инге! Очутившись среди этого холодного, липкого, отвратительного живого месива, Инге задрожала и почувствовала, что ее тело начинает коченеть. Хлеб крепко прильнул к ее ногам и тянул ее за собою, как янтарный шарик соломинку.

Болотница была дома; пивоварню посетили в этот день гости: черт и его прабабушка, ядовитая старушка. Она никогда не бывает праздною, даже в гости берет с собою какое-нибудь рукоделье: или шьет из кожи башмаки, надев которые человек делается непоседой, или вышивает сплетни, или, наконец, вяжет необдуманные слова, срывающиеся у людей с языка, — все во вред и на пагубу людям! Да, чертова прабабушка — мастерица шить, вышивать и вязать!

Она увидела Инге, поправила очки, посмотрела на нее еще и сказала:

«Да она с задатками! Я попрошу вас уступить ее мне в память сегодняшнего посещения! Из нее выйдет отличный истукан для передней моего правнука!»

Болотница уступила ей Инге, и девочка попала в ад — люди с задатками могут попасть туда и не прямым путем, а окольным!

Передняя занимала бесконечное пространство; поглядеть вперед — голова закружится, оглянуться назад — тоже. Вся передняя была запружена изнемогающими грешниками, ожидавшими, что вот-вот двери милосердия откроются. Долгонько приходилось им ждать! Большущие, жирные, переваливающиеся с боку на бок пауки оплели их ноги тысячетелней паутиной; она сжимала их, точно клещами, сковывала крепче медных цепей. Кроме того, души грешников терзались вечной мучительной тревогой. Скупой, например, терзался тем, что оставил ключ в замке своего денежного ящика, другие... да и конца не будет, если примемся перечислять терзания и муки всех грешников!

Инге пришлось испытать весь ужас положения истукана; ноги ее были словно привинчены к хлебу.

«Вот и будь опрятной! Мне не хотелось запачкать башмаков, и вот каково мне теперь! — говорила она самой себе. — Ишь, таращатся на меня!» Действительно, все грешники глядели на нее; дурные страсти так и светились в их глазах, говоривших без слов; ужас брал при одном

взгляде на них!

«Ну, на меня-то приятно и посмотреть! — думала Инге. — Я и сама хорошенькая и одета нарядно!» И она повела на себя глазами — шея у нее не ворочалась. Ах, как она выпачкалась в пивоварне болотницы! Об этом она и не подумала! Платье ее все сплошь было покрыто слизью, уж вцепился ей в волосы и хлопал ее по шее, а из каждой складки платья выглядывали жабы, лаявшие, точно жирные охрипшие моськи. Страсть, как было неприятно! «Ну, да и другие-то здесь выглядят не лучше моего!» — утешала себя Инге.

Хуже же всего было чувство страшного голода. Неужели ей нельзя нагнуться и отломить кусочек хлеба, на котором она стоит? Нет, спина не сгибалась, руки и ноги не двигались, она вся будто окаменела и могла только водить глазами во все стороны, кругом, даже выворачивать их из орбит и глядеть назад. Фу, как это выходило гадко! И вдобавок ко всему этому явились мухи и начали ползать по ее глазам взад и вперед; она моргала глазами, но мухи не улетали — крылья у них были общипаны, и они могли только ползать. Вот была мука! А тут еще этот голод! Под конец Инге стало казаться, что внутренности ее пожрали самих себя, и внутри у нее стало пусто, ужасно пусто!

— Ну, если это будет продолжаться долго, я не выдержу! — сказала Инге, но выдержать ей пришлось: перемены не наступало.

Вдруг на голову ей капнула горячая слеза, скатилась по лицу на грудь и потом на хлеб; за нею другая, третья, целый град слез. Кто же мог плакать об Инге?

А разве у нее не оставалось на земле матери? Горькие слезы матери, проливаемые ею из-за своего ребенка, всегда доходят до него, но не освобождают его, а только жгут, увеличивая его муки. Ужасный, нестерпимый голод был, однако, хуже всего! Топтать хлеб ногами и не быть в состоянии отломить от него хоть кусочек! Ей казалось, что все внутри ее пожрало само себя, и она стала тонкой, пустой тростинкой, втягивавшей в себя каждый звук. Она явственно слышала все, что говорили о ней там, наверху, а говорили-то одно дурное. Даже мать ее, хоть и горько, искренно оплакивала ее, все-таки повторяла: «Спесь до добра не доводит! Спесь и сгубила тебя, Инге! Как ты огорчила меня!»

И мать Инге/и все там, наверху, уже знали о ее грехе, знали, что она наступила на хлеб и провалилась сквозь землю. Один пастух видел все это с холма и рассказал другим.

— Как ты огорчила свою мать, Инге! — повторяла мать. — Да я другого и не ждала!

«Лучше бы мне и не родиться на свет! — думала Инге. — Какой толк из того, что мать теперь хнычет обо мне!»

Слышала она и слова своих господ, почтенных людей, обращавшихся с нею, как с дочерью: «Она большая грешница! Она не чтит даров Господних, попирает их ногами! Не скоро откроются для нее двери милосердия!»

«Воспитывали бы меня получше, построже! — думала Инге. — Выгоняли бы из меня пороки, если они во мне сидели!»

Слышала она и песню, которую сложили о ней люди, песню о спесивой девочке, наступившей на хлеб, чтобы не запачкать башмаков. Все распевали ее.

«Как подумаю, чего мне ни пришлось выслушать и выстрадать за мою провинность! — думала Инге. — Пусть бы и другие поплатились за свои! А скольким бы пришлось! У, как я терзаюсь!»

И душа Инге становилась еще грубее, жестче ее оболочки.

— В таком обществе, как здесь, лучше не станешь! Да я и не хочу! Ишь, таращатся на меня! — говорила она и вконец ожесточилась и озлобилась на всех людей. — Обрадовались, нашли теперь, о чем галдеть! У, как я терзаюсь!

Слышала она также, как историю ее рассказывали детям, и малытки называли ее безбожницей.

— Она такая гадкая! Пусть теперь помучается хорошенько! — говорили дети.

Только одно дурное слышала о себе Инге из детских уст. Но вот раз, терзаясь от голода и злобы, слышит она опять свое имя и свою историю. Ее рассказывали одной невинной, маленькой девочке, и малютка вдруг залилась слезами о спесивой, суетной Инге.

— И неужели она никогда не вернется сюда, наверх? — спросила малютка.

— Никогда! — ответили ей.

— А если она попросит прощения, обещает никогда больше так не делать?

— Да она вовсе не хочет просить прощения!

— Ах, как бы мне хотелось, чтобы она попросила прощения! — сказала девочка и долго не могла утешиться. — Я бы отдала свой кукольный домик, только бы ей позволили вернуться на землю! Бедная, бедная Инге!

Слова эти дошли до сердца Инге, и ей стало как будто полегче: в первый раз нашлась живая душа, которая сказала: «бедная Инге!» — и не прибавила ни слова о ее грехе. Маленькая, невинная девочка плакала и просила за нее!.. Какое-то странное чувство охватило душу Инге; она бы, кажется, заплакала сама, да не могла, и это было новым мучением.

На земле годы летели стрелою, под землею же все оставалось по-прежнему. Инге слышала свое имя все реже и реже — на земле вспоминали о ней все меньше и меньше. Но однажды долетел до нее вздох:

«Инге! Инге! Как ты огорчила меня! Я всегда это предвидела!» Это умирала мать Инге.

Слышала она иногда свое имя и из уст старых хозяев.

Хозяйка, впрочем, выражалась всегда смиренно: «Может быть, мы еще свидимся с тобою, Инге! Никто не знает, куда попадет!»

Но Инге-то знала, что ее почтенной госпоже не попасть туда, куда попала она.

Медленно, мучительно медленно ползло время.

И вот Инге опять услышала свое имя и увидела, как над нею блеснули две яркие звездочки: это закрылась на земле пара кротких очей. Прошло уже много лет с тех пор, как маленькая девочка неутешно плакала о «бедной Инге»: малютка успела вырасти, состариться и была отозвана Господом Богом к Себе. В последнюю минуту, когда в душе вспыхивают ярким светом воспоминания целой жизни, вспомнились умирающей и ее горькие слезы об Инге, да так живо, что она невольно воскликнула:

«Господи, может быть, и я, как Инге, сама того не ведая, попирала ногами Твои всеблагие дары, может быть, и моя душа была заражена спесью, и только Твое милосердие не дало мне пасть ниже, но поддержало меня! Не оставь же меня в последний мой час!»

И телесные очи умирающей закрылись, а духовные отверзлись, и так как Инге была ее последней мыслью, то она и узрела своим духовным взором то, что было скрыто от земного — увидала, как низко пала Инге. При этом зрелище благочестивая душа залилась слезами и явилась к престолу Царя Небесного, плача и молясь о грешной душе так же искренно, как плакала ребенком. Эти рыдания и мольбы отдались эхом в пустой оболочке, заключавшей в себе терзающуюся душу, и душа Инге была как бы подавлена этой неожиданной любовью к ней на небе. Божий ангел плакал о ней! Чем она заслужила это? Измученная душа оглянулась на всю свою жизнь, на все содеянное ей и залилась слезами, каких никогда не знавала Инге. Жалость к самой себе наполнила ее: ей казалось, что двери милосердия останутся для нее закрытыми на веки вечные! И вот, едва она с сокрушением сознала это, в подземную пропасть проник луч света, сильнее солнечного, который растопляет снежного истукана, слепленного на дворе мальчуганами, и быстрее, чем тает на теплых губках ребенка снежинка, растаяла окаменелая оболочка Инге. Маленькая птичка молнией взвилась из глубины на волю. Но, очутившись среди белого света, она съежилась от страха и стыда — она всех боялась, стыдилась и поспешно спряталась в темную трещину в какой-то полуразрушившейся стене. Тут она и сидела, съежившись, дрожа всем телом, не издавая ни звука, — у нее и не было голоса. Долго сидела она так, прежде чем осмелилась оглядеться и полюбоваться великолепием Божьего мира. Да, великолепен был Божий мир! Воздух был свеж и мягок, ярко сиял месяц, деревья и кусты благоухали; в уголке, где укрылась птичка, было так уютно, а платице на ней было такое чистенькое, нарядное. Какая любовь, какая красота были разлиты в Божьем мире! И все мысли, что шевелились в груди птички, готовы были вылиться в песне, но птичка не могла петь, как ей ни хотелось этого; не могла она ни прокуковать, как кукушка, ни защелкать, как соловей! Но Господь слышит даже немую хвалу червяка и услышал и эту безгласную хвалу, что мысленно неслась к небу, как псалом, звучавший в груди Давида, прежде чем он нашел для него слова и мелодию.

Немая хвала птички росла день ото дня и только ждала случая вылиться в добром деле.

Настал сочельник. Крестьянин поставил у забора шест и привязал к верхушке его необмолоченный сноп овса — пусть и птички весело справят праздник Рождества Спасителя!

В рождественское утро встало солнышко и осветило сноп; живо налетели на угощение щебетуны-птички. Из расщелины в стене тоже раздалось: «пи! пи!» Мысль вылилась в звуке, слабый писк был настоящим гимном радости: мысль готовилась воплотиться в добром деле, и птичка вылетела из своего убежища. На небе знали, что это была за птичка.

Зима стояла суровая, воды были скованы толстым льдом, для птиц и зверей лесных наступили трудные времена. Маленькая пташка летала над дорогой, отыскивая и находя в снежных бороздах, проведенных санями, зернышки, а возле стоянок для кормежки лошадей — крошки хлеба; но сама она съедала всегда только одно зернышко, одну крошку, а затем сзывала кормиться других голодных воробышков. Летала она и в города, осматривалась кругом и, завидев накрошенные из окна милосердной рукой кусочки хлеба, тоже съедала лишь один, а все остальное отдавала другим.

В течение зимы птичка собрала и раздала такое количество хлебных крошек, что все они вместе весили столько же, сколько хлеб, на который наступила Инге, чтобы не запачкать башмаков. И когда была найдена и отдана последняя крошка, серые крылья птички превратились в белые и широко распустились.

— Вон летит морская ласточка! — сказали дети, увидав белую птичку.

Птичка то ныряла в волны, то взвивалась навстречу солнечным лучам — и вдруг исчезла в этом сиянии. Никто не видел, куда она делась.

— Она улетела на солнышко! — сказали дети.

Судьба репейника

Перед богатой усадьбой был разбит чудесный сад с редкостными деревьями и цветами. Гости, приезжавшие к господам, громко восторгались садом. А горожане и жители окрестных деревень специально являлись сюда по праздникам и воскресеньям и просили позволения осмотреть его. Приходили сюда с тою же целью и ученики разных школ со своими учителями.

За забором сада, отделявшим его от поля, рос репейник. Он был такой большой, густой и раскидистый, что по всей справедливости заслуживал название куста. Но никто не любовался им, кроме старого осла, возившего тележку молочницы. Он вытягивал свою длинную шею и говорил репейнику:

- Как ты хорош! Так бы и съел тебя!

Но веревка была коротка, никак не дотянуться до репейника ослу. Как-то раз в саду собралось большое общество: к хозяевам приехали

знатные гости из столицы, молодые люди, прелестные девушки, и в их числе одна барышня издалека, из Шотландии, знатного рода и очень богатая. "Завидная невеста!" - говорили холостые молодые люди и их маменьки.

Молодежь резвилась на лужайке, играла в крокет. Затем все отправились гулять по саду. Каждая барышня сорвала цветок и воткнула его в петлицу своему кавалеру. А юная шотландка долго озиралась кругом, выбирала, выбирала, но так ничего и не выбрала: ни один из садовых цветов не пришелся ей по вкусу. Но вот она глянула через забор, где рос репейник, увидала его иссиня-красные пышные цветы, улыбнулась и попросила сына хозяина дома сорвать ей цветок.

- Это цветок Шотландии! - сказала она. - Он украшает шотландский герб. Дайте мне его!

И он сорвал самый красивый, исколов себе при этом пальцы, словно колючим шиповником.

Барышня продела цветок молодому человеку в петлицу, и он был очень польщен, да и каждый из молодых людей охотно отдал бы свой роскошный садовый цветок, чтобы только получить из рук прекрасной шотландки репейник. Но уж если был польщен хозяйский сын, то что же почувствовал сам репейник? Его словно окропило росой, осветило солнцем...

"Однако я поважнее, чем думал! - сказал он про себя. - Место-то мое, пожалуй, в саду, а не за забором. Вот, право, как странно играет нами судьба! Но теперь хоть одно из моих детищ перебралось за забор, да еще попало в петлицу!"

И с тех пор репейник рассказывал об этом событии каждому вновь распускавшемуся бутону. А затем не прошло и недели, как репейник услышал новость, и не от людей, не от щебетуний птишек, а от самого воздуха, который воспринимает и разносит повсюду малейший звук, раздающийся в самых глухих аллеях сада или во внутренних покоях дома, где окна и двери стоят настежь. Ветер сказал, что молодой человек, получивший из прекрасных рук шотландки

цветок репейника, удостоился получить также руку и сердце красавицы. Славная вышла пара, вполне приличная партия.

- Это я их сосватал! - решил репейник, вспоминая свой цветок, попавший в петлицу. И каждый вновь распускавшийся цветок должен был выслушивать эту историю.

- Меня, конечно, пересадят в сад! - рассуждал репейник. - Может быть, даже посадят в горшок. Тесновато будет, ну да зато честь-то какая!

И репейник так увлекся этой мечтой, что уже с полной уверенностью говорил: "Я попаду в горшок!" - и обещал каждому своему цветку, который распускался вновь, что и он тоже попадет в горшок, а то и в петлицу - уж выше этого попасть было некуда! Но ни один из цветов не попал в горшок, не говоря уже о петлице. Они впивали в себя воздух и свет, солнечные лучи днем и капельки росы ночью, они цвели, принимали визиты женихов - пчел и ос, которые искали приданого - цветочного сока, получали его и покидали цветы.

- Разбойники этикие! - говорил про них репейник. - Так бы и проколол их насквозь, да не могу!

Цветы поникали головками, блекли и увядали, но на смену им распускались новые.

- Вы являетесь как раз вовремя! - говорил им репейник. - Я с минуты на минуту жду пересадки туда, за забор.

Невинные ромашки и мокричник слушали его с глубоким изумлением, искренне веря каждому его слову.

А старый осел, таскавший тележку молочницы, стоял на привязи у дороги и любовно косился на цветущий репейник, но веревка была коротка, никак не добраться ослу до куста.

А репейник так много думал о своем родиче, репейнике шотландском, что под конец уверовал в свое шотландское происхождение и в то, что именно его родители и красовались в гербе страны. Великая была мысль, но отчего бы такому большому репейнику и не иметь великих мыслей?

- Иной раз происходишь из такого знатного рода, что не смеешь и догадываться об этом! - сказала крапива, росшая неподалеку. У нее тоже было смутное ощущение, что при надлежащем уходе и она могла бы превратиться во что-нибудь этакое благородное.

Прошло лето, прошла осень. Листья с деревьев облетели, цветы стали ярче, но почти без запаха. Ученик садовника распевал в саду по ту сторону забора: Вверх на горку, Вниз под горку Пролетает жизнь!

Молоденькие елки в лесу уже начали томиться предрождественской тоской, хотя до рождества было еще далеко.

- А я так все здесь и стою! - сказал репейник. - Словно никому до меня и дела нет, а ведь я устроил свадьбу! Они обручились да и поженились вот уж неделю тому назад! Что ж, сам я шагу не сделаю - не могу!

Прошло еще несколько недель. На репейнике красовался всего лишь один цветок, последний, зато какой большой, какой пышный! Вырос он почти у самых корней, ветер обдавал его холодом, краски его поблекли, и чашечка, большая, словно у цветка артишока, напоминала теперь высеребренный подсолнечник.

В сад вышла молодая пара - муж и жена. Они шли вдоль садового забора, и молодая женщина заглянула через него.

- А вот он, большой репейник! Все еще стоит! - воскликнула она. - Но на нем нет больше цветов!

- А вон, видишь, призрак последнего! - сказал муж, указывая на высеребренную чашечку, цветка.

- Все-таки он красив! - сказала она. - Надо велеть вырезать такой на рамке нашего портрета.

Пришлось молодому мужу опять лезть через забор за цветком репейника. Цветок уколол его пальцы - ведь молодой человек обозвал его "призраком". И вот цветок попал в сад, в дом и даже в залу, где висел масляный портрет молодых супругов. В петлице у молодого был изображен цветок репейника. Поговорили и об этом цветке и о том, который только что принесли, чтобы вырезать на рамке.

Ветер подхватил этот разговор и разнес далеко-далеко по округе.

- Чего только не приходится переживать! - сказал репейник. - Мой первенец попал в петлицу, мой последыш попадет на рамку! Куда же попаду я?

А осел стоял у дороги и косился на него:

- Подойди ко мне, сладостный мой! Сам я не могу подойти к тебе - веревка коротка!

Но репейник не отвечал. Он все больше и больше погружался в думы. Так он продумал вплоть до рождества и наконец расцвел мыслью:

"Коли детки пристроены хорошо, родители могут постоять и за забором!"

- Вот это благородная мысль! - сказал солнечный луч. - Но и вы займете почетное место!

- В горшке или на рамке? - спросил репейник.

- В сказке! - ответил луч.

Вот она, эта сказка!

Птица феникс

В райском саду под деревом познания цвел розовый куст; в первой же распутившейся на нем розе родилась птица; перья ее отливали чудными красками, полет ее был - сиянием, пение - дивной гармонией.

Но вот Ева вкусила от дерева познания, и ее вместе с Адамом изгнали из рая, а от пламенного меча ангела возмездия упала в гнездо одна искра. Гнездо вспыхнуло, и птица сгорела, но из раскаленного яйца вылетела новая, единственная, всегда единственная в мире птица феникс. Мифы говорят, что она вьет себе гнездо в Аравии и каждые сто лет сама сжигает себя в гнезде, но из раскаленного яйца вылетает новый феникс, опять единственный в мире.

Быстрая, как луч света, блистая чудною окраской перьев, чаруя своим дивным пением, летает вокруг нас дивная птица.

Мать сидит у колыбели ребенка, а птица витает над его изголовьем, и от веяния ее крыл вокруг головки ребенка образуется сияние. Залетает птица и в скромную хижину труженика, и тогда луч солнца озаряет хижину, а жалкий деревянный сундук начинает благоухать фиалками.

Птица феникс не вечно остается в Аравии. Она парит вместе с северным сиянием и над ледяными равнинами Лапландии, порхает между желтыми цветами, питомцами короткого лета, и в Гренландии. В глубине Фалунских рудников и в угольных шахтах Англии вьется она напудренною молью над молитвенником в руках благочестивого рабочего; в цветке лотоса плавает по священным водам Ганга, и глаза молодой индийской девушки загораются при виде ее огнем восторга!

Птица феникс! Разве ты не знаешь ее, этой райской птицы, священного лебедя песнопений? На колеснице Фесписа [Феспис (жил в Аттике около 550 г. до н.э.), согласно преданиям, был отцом трагедии и разъезжал по стране во главе странствующей труппы актеров; сценой им служила их же повозка] сидела она болтливым вороном, хлопая черными крыльями; по струнам арфы исландского скальда звонко ударяла красным клювом лебедя; на плечо Шекспира опускалась вороном Одина и шептала ему на ухо: "Тебя ждет бессмертие"; в праздник певцов порхала в рыцарской зале Вартбурга.

Птица феникс! Разве ты не знаешь ее? Это она ведь пропела тебе марсельезу, и ты целовал перо, выпавшее из ее крыла; она являлась тебе в небесном сиянии, а ты, может быть, отворачивался от нее к воробьям с крыльями, раззолоченными сусальным золотом!..

Райская птица, каждое столетие погибающая в пламени и вновь возрождающаяся из пепла, твои золотые изображения висят в роскошных чертогах богачей, сама же ты часто блуждаешь бесприютная, одинокая!.. Птица феникс, обитающая в Аравии, - только миф!

В райском саду родилась ты под деревом познания, в первой распустившейся розе, и Творец отметил тебя Своим поцелуем и дал тебе настоящее имя - Поэзия!

Райский сад

Жил-был принц; ни у кого не было столько хороших книг, как у него; он мог прочесть в них обо всем на свете, обо всех странах и народах, и все было изображено в них на чудесных картинках. Об одном только не было сказано ни слова: о том, где находится Райский сад, а вот это-то как раз больше всего и интересовало принца.

Когда он был еще ребенком и только что принимался за азбуку, бабушка рассказывала ему, что каждый цветок в Райском саду - сладкое пирожное, а тычинки налиты тончайшим вином; в одних цветах лежит история, в других - география или таблица умножения; стоило съесть такой цветок-пирожное - и урок выучивался сам собой. Чем больше, значит, кто-нибудь ел пирожных, тем больше узнавал из истории, географии и арифметики!

В то время принц еще верил всем таким рассказам, но по мере того как подрастал, учился и делался умнее, стал понимать, что в Райском саду должны быть совсем другие прелести.

- Ах, зачем Ева послушалась змия! Зачем Адам вкусил запретного плода! Будь на их месте я, никогда бы этого не случилось, никогда бы грех не проник в мир!

Так говорил он не раз и повторял то же самое теперь, когда ему было уже семнадцать лет; Райский сад заполнял все его мысли.

Раз пошел он в лес один-одинешенек, - он очень любил гулять один. Дело было к вечеру; набежали облака, и полил такой дождь, точно небо было одною сплошною плотиною, которую вдруг прорвало и из которой зараз хлынула вся вода; настала такая тьма, какая бывает разве только ночью на дне самого глубокого колодца. Принц то скользил по мокрой траве, то спотыкался о голые камни, торчавшие из скалистой почвы; вода лила с него ручьями; на нем не оставалось сухой нитки. То и дело приходилось ему перебираться через огромные глыбы, обросшие мхом, из которого сочилась вода. Он уже чуть не падал от усталости, как вдруг услышал какой-то странный свист и увидел перед собой большую освещенную пещеру. Посреди пещеры был разведен огонь, над которым можно было изжарить целого оленя, да так оно и было: на вертеле, укрепленном между двумя срубленными соснами, жарился огромный олень с большими ветвистыми рогами. У костра сидела пожилая женщина, такая крепкая и высокая, словно это был переодетый мужчина, и подбрасывала в огонь одно полено за другим.

- Войди, - сказала она. - Сядь у огня и обсушись.

- Здесь ужасный сквозняк, - сказал принц, подсев к костру.

- Ужо, как вернутся мои сыновья, еще хуже будет! - отвечала женщина, - Ты ведь в пещере ветров; мои четверо сыновей - ветры. Понимаешь?

- А где твои сыновья?

- На глупые вопросы не легко отвечать! - сказала женщина. - Мои сыновья не на помочах ходят! Играют, верно, в лапту облаками, там, в большой зале!

И она указала пальцем на небо.

- Вот как! - сказал принц. - Вы выражаетесь несколько резко, не так, как женщины нашего круга, к которым я привык.

- Да тем, верно, и делать-то больше нечего! А мне приходится быть резкой и суровой, если хочу держать в повиновении моих сыновей! А я держу их в руках, даром что они у меня упрямые головы! Видишь вон те четыре мешка, что висят на стене? Сыновья мои боятся их так же, как ты, бывало, боялся пучка розог, заткнутого за зеркало! Я гну их в три погибели и сажаю в мешок без всяких церемоний! Они и сидят там, пока я не смилуюсь! Но вот один уж пожаловал!

Это был Северный ветер. Он внес с собой в пещеру леденящий холод, поднялась метель, и по земле запрыгал град. Одет он был в медвежьи штаны и куртку; на уши спускалась шапка из тюленьей шкуры; на бороде висели ледяные сосульки, а с воротника куртки скатывались градины.

- Не подходите сразу к огню! - сказал принц. - Вы отморозите себе лицо и руки!

- Отморозжу! - сказал Северный ветер и громко захохотал. - Отморозжу! Да лучше мороза, по мне, нет ничего на свете! А ты что за кислятина? Как ты попал я пещеру ветров?

- Он мой гость! - сказала старуха, - А если тебе этого объяснения мало, можешь отправляться в мешок! Понимаешь?

Угроза подействовала, и Северный ветер рассказал, откуда он явился и где пробыл почти целый месяц.

- Я прямо с Ледовитого океана! - сказал он. - Был на Медвежьем острове, охотился на моржей с русскими промышленниками. Я сидел и спал на руле, когда они отплывали с Нордкапа; просыпаясь время от времени, я видел, как под ногами у меня шныряли буревестники. Презабавная птица! Ударит раз крыльями, а потом распластает их, да так и держится на них в воздухе долго-долго!..

- Нельзя ли покороче! - сказала мать. - Ты, значит, был на Медвежьем острове, что же дальше?

- Да, был. Там чудесно! Вот так пол для пляски! Ровный, гладкий, как тарелка! Повсюду рыхлый снег пополам со мхом, острые камни да остовы моржей и белых медведей, покрытые зеленой плесенью, - ну, словно кости великанов! Солнце, право, туда никогда, кажется, и не заглядывало. Я слегка подул и разогнал туман, чтобы рассмотреть какой-то сарай; оказалось, что это было жилье, построенное из корабельных обломков и покрытое моржовыми шкурами, вывернутыми наизнанку; на крыше сидел белый медведь и ворчал. Потом я пошел на берег, видел там птичьи гнезда, а в них голых птенцов; они пищали и разевали рты; я взял да и дунул в эти бесчисленные глотки - небось живо отучились смотреть разинув рот! У самого моря играли, будто живые кишки или исполинские черви с свиными головами и аршинными клыками, моржи!

- Славно рассказываешь, сынок! - сказала мать. - Просто слюнки текут, как слушаешь!

- Ну, а потом началась ловля! Как всадят гарпун моржу в грудь, так кровь и брызнет фонтаном на лед? Тогда и я задумал себя потешить, завел свою музыку и велел моим кораблям - ледяным горам - сдавить лодки промышленников. У! Вот пошел свист и крик, да меня не пересвистишь! Пришлось им выбрасывать убитых моржей, ящики и снасти на льдины? А я вытряхнул на них целый ворох снежных хлопьев и погнал их стиснутые льдами суда к югу - пусть похлебают солененькой водицы! Не вернуться им на Медвежий остров!

- Так ты порядком набедокурил! - сказала мать.

- О добрых делах моих пусть расскажут другие! - сказал он. - А вот и брат мой с запада! Его я люблю больше всех: он пахнет морем и дышит благодатным холодком.

- Так это маленький зефир? - спросил принц.

- Зефир-то зефир, только не из маленьких! - сказала старуха. - В старину и он был красивым мальчуганом, ну, а теперь не то!

Западный ветер выглядел дикарем; на нем была мягкая, толстая, предохраняющая голову от ударов и ушибов шапка, а в руках палица из красного дерева, срубленного в американских лесах, на другую он бы не согласился.

- Где был? - спросила его мать.

- В девственных лесах, где между деревьями повисли целые изгороди из колючих лиан, а во влажной траве лежат огромные ядовитые змеи и где, кажется, нет никакой надобности в человеке! - отвечал он.

- Что ж ты там делал?

- Смотрел, как низвергается со скалы большая, глубокая река, как поднимается от нее к облакам водяная пыль, служащая подпорой радуге. Смотрел, как переплывал реку дикий буйвол; течение увлекало его с собой, и он плыл вниз по реке вместе со стаей диких уток, но те

вспорхнули перед самым водопадом, а буйволу пришлось полететь головой вниз; это мне понравилось, и я учинил такую бурю, что вековые деревья поплыли по воде и превратились в щепки.

- И это все? - спросила старуха.

- Еще я кувыркался в саваннах, гладил диких лошадей и рвал кокосовые орехи! О, у меня много о чем найдется порассказать, но не все же говорить, что знаешь. Так- то, старая!

И он так поцеловал мать, что та чуть не опрокинулась навзничь; такой уж он был необузданный парень.

Затем явился Южный ветер в чалме и развевающимся плаще бедуинов.

- Экая у вас тут стужа! - сказал он и подбросил в костер дров. - Видно, что Северный первым успел пожаловать!

- Здесь такая жарница, что можно изжарить белого медведя! - возразил тот.

- Сам-то ты белый медведь! - сказал Южный.

- Что, в мешок захотели? - спросила старуха. - Садись-ка вот тут на камень да рассказывай, откуда ты.

- Из Африки, матушка, из земли кафров! - отвечал Южный ветер, - Охотился на львов с готтентотами! Какая трава растет там на равнинах! Чудесного оливкового цвета! Сколько там антилоп и страусов! Антилопы плясали, а страусы бегали со мной наперегонки, да я побыстрее их на ногу! Я дошел и до желтых песков пустыни - она похожа на морское дно. Там настиг я караван. Люди зарезали последнего своего верблюда, чтобы из его желудка добыть воды для питья, да немногим пришлось им поживиться! Солнце пекло их сверху, а песок поджаривал снизу. Конца не было безграничной пустыне! А я принялся валяться по мелкому, мягкому песку и крутить его огромными столбами; вот так пляска пошла! Посмотрела бы ты, как столпились в кучу дромадеры, а купец накинуд на голову капюшон и упал передо мною ниц, точно перед своим аллахом. Теперь все они погребены под высокой пирамидой из песка. Если мне когда-нибудь вздумается снести ее прочь, солнце выбелит их кости, и другие путники по крайней мере увидят, что тут бывали люди, а то трудно и поверить этому, глядя на голую пустыню!

- Ты, значит, только и делал одно зло! - сказала мать, - Марш в мешок!

И не успел Южный ветер опомниться, как мать схватила его за пояс и упрятала в мешок; он было принялся кататься в мешке по полу, но она уселась на него, и ему пришлось лежать смирно.

- Бойкие же у тебя сыновья! - сказал принц.

- Ничего себе! - отвечала она. - Да я умею управляться с ними! А вот и четвертый!

Это был Восточный ветер, одетый китайцем.

- А, ты оттуда! - сказала мать, - Я думала, что ты был в Райском саду.

- Туда я полечу завтра! - сказал Восточный ветер. - Завтра будет ведь ровно сто лет, как я не

был там! Теперь же я прямо из Китая, плясал на фарфоровой башне, так что все колокольчики звенели! Внизу, на улице, наказывали чиновников; бамбуковые трости так и гуляли у них по плечам, а это все были мандарины от первой до девятой степени! Они кричали: "Великое спасибо тебе, отец и благодетель!" - про себя же думали совсем другое. А я в это время звонил в колокольчики и припевал: "Тзинг, тзанг, тзу!"

- Шалун! - сказала старуха. - Я рада, что ты завтра отправляешься в Райский сад, это путешествие всегда приносит тебе большую пользу. Напейся там из источника Мудрости, да зачерпни из него полную бутылку водицы и для меня!

- Хорошо, - сказал Восточный ветер. - Но за что ты посадила в мешок брата Южного? Выпусти его! Он мне расскажет про птицу Феникс, о которой все спрашивает принцесса Райского сада. Развяжи мешок, милая, дорогая мамаша, а я подарю тебе целых два кармана, зеленого свежего чаю, только что с куста!

- Ну, разве за чай, да еще за то, что ты мой любимчик, так и быть, развяжу его!

И она развязала мешок; Южный ветер вылез оттуда с видом мокрой курицы: еще бы, чужой принц видел, как его наказали.

- Вот тебе для твоей принцессы пальмовый лист! - сказал он Восточному. - Я получил его от старой птицы Феникс, единственной в мире; она начертила на нем клювом историю своей столетней земной жизни. Теперь принцесса может прочесть обо всем, что ей захотелось бы знать. Птица Феникс на моих глазах сама подожгла свое гнездо и была охвачена пламенем, как индийская вдова! Как затрещали сухие ветки, какие: пошли от них дым и благоухание! Наконец пламя пожрало все, и старая птица Феникс превратилась в пепел, но снесенное ею яйцо, горевшее в пламени, как жар, вдруг лопнуло с сильным треском, и оттуда вылетел молодой Феникс. Он проклюнул на этом пальмовом листе дырочку: это его поклон принцессе!

- Ну, теперь пора нам подкрепиться немножко! - сказала мать ветров.

Все уселись и принялись за оленя. Принц сидел рядом с Восточным ветром, и они скоро стали, друзьями.

- Скажи-ка ты мне, - спросил принц у соседа, - что это за принцесса, про которую вы столько говорили, и где находится Райский сад?

- Ого! - сказал Восточный ветер. - Коли хочешь побывать там, полетим завтра вместе! Но я должен тебе сказать, что со времен Адама и Евы там не бывало ни единой человеческой души! А что было с ними, ты, наверное, уж знаешь?

- Знаю! - сказал принц.

- После того как они были изгнаны, - продолжал Восточный, - Райский сад ушел в землю, но в нем царит прежнее великолепие, по-прежнему светит солнце и в воздухе разлиты необыкновенные свежесть и аромат! Теперь в нем обитает королева фей. Там же находится чудно-прекрасный остров Блаженства, куда никогда не заглядывает Смерть! Сядешь мне завтра на спину, и я снесу тебя туда. Я думаю, что это удастся. А теперь не болтай больше, я хочу спать!

И все заснули.

На заре принц проснулся, и ему сразу стало жутко: оказалось, что он уже летит высоко-высоко

под облаками! Он сидел на спине у Восточного ветра, и тот добросовестно держал его, но принцу все-таки было боязно: они неслись так высоко над землею, что леса, поля, реки и моря казались нарисованными на огромной раскрашенной карте.

- Здравствуй, - сказал принцу Восточный ветер. - Ты мог бы еще поспать, посмотреть-то пока не на что. Разве церкви вздумаешь считать! Видишь, сколько их? Стоят, точно меловые точки на зеленой доске!

Зеленою доской он называл поля и луга.

- Как это вышло невежливо, что я не простился с твоею матерью и твоими братьями! - сказал принц.

- Сонному приходится извинить! - сказал Восточный ветер, а они полетели еще быстрее; это было заметно по тому, как шумели под ними верхушки лесных деревьев, как вздымались морские волны и как глубоко ныряли в них грудью, точно лебеди, корабли.

Под вечер, когда стемнело, было очень забавно смотреть на большие города, в которых то там, то сям вспыхивали огоньки, - казалось, это перебегают по зажженной бумаге мелкие искорки, словно дети бегут домой из школы. И принц, глядя на это зрелище, захлопал в ладошки, но Восточный ветер попросил его вести себя потише да держаться покрепче - не мудрено ведь было и свалиться да повиснуть на каком-нибудь башенном шпиле.

Быстро и легко неся на своих могучих крыльях дикий орел, но Восточный ветер неся еще легче, еще быстрее; по равнине вихрем мчался казак на своей маленькой лошадке, да куда ему было угнаться за принцем!

- Ну, вот тебе и Гималаи! - сказал Восточный ветер, - Это высочайшая горная цепь в Азии, скоро мы доберемся и до Райского сада!

Они свернули к югу, и вот в воздухе разлились сильный пряный аромат и благоухание цветов. Финики, гранаты и виноград с синими и красными ягодами росли здесь. Восточный ветер спустился с принцем на землю, и оба улеглись отдохнуть в мягкую траву, где росло множество цветов, кивавших им головками, как бы говоря: "Милости просим!"

- Мы уже в Райском саду? - спросил принц.

- Ну что ты! - отвечал Восточный ветер, - Но скоро попадем и туда! Видишь эту отвесную, как стена, скалу и в ней большую пещеру, над входом которой спускаются, будто зеленый занавес, виноградные дозы? Мы должны пройти через эту пещеру! Завернись хорошенько в плащ: тут палит солнце, но один шаг - и нас охватит мороз. У птицы, пролетающей мимо пещеры, одно крыло чувствует летнее тепло, а другое - зимний холод!

- Так вот она, дорога в Райский сад! - сказал принц.

И они вошли в пещеру. Брр... как им стало холодно! Но, к счастью, ненадолго.

Восточный ветер распростер свои крылья, и от них разлился свет, точно от яркого пламени. Нет, что это была за пещера! Над головами путников нависали огромные, имевшие самые причудливые формы каменные глыбы, с которых капала вода. Порой проход так суживался, что им приходилось пробираться ползком, иногда же своды пещеры опять поднимались на недосягаемую высоту, и путники шли точно на вольном просторе под открытым небом. Пещера казалась какою-то гигантскою усыпальницей с немymi органами трубами и знаменами,

выточенными из камня.

- Мы идем в Райский сад дорогой смерти! - сказал принц, но Восточный ветер не ответил ни слова и указал перед собою рукою: навстречу им струился чудный голубой свет; каменные глыбы мало-помалу стали редеть, таять и превращаться в какой-то туман. Туман становился все более и более прозрачным, пока наконец не стал походить на пушистое белое облачко, сквозь которое просвечивает месяц. Тут они вышли на вольный воздух - чудный, мягкий воздух, свежий, как на горной вершине, и благоуханный, как в долине роз.

Тут же струилась река; вода в ней спорила прозрачностью с самим воздухом. А в реке плавали золотые и серебряные рыбки, и пурпурово-красные угри сверкали при каждом движении голубыми искрами; огромные листья кувшинок пестрели всеми цветами радуги, а чашечки их горели желто-красным пламенем, поддерживаемым чистою водой, как пламя лампы поддерживается маслом. Через реку был переброшен мраморный мост такой тонкой и искусной работы, что, казалось, был сделан из кружев и бус; мост вел на остров Блаженства, на котором находился сам Райский сад.

Восточный ветер взял принца на руки и перенес его через мост. Цветы и листья пели чудесные песни, которые принц слышал еще в детстве, но теперь они звучали такою дивною музыкой, какой не может передать человеческий голос.

А это что? Пальмы или гигантские папоротники? Таких сочных, могучих деревьев принц никогда еще не видывал. Диковинные ползучие растения обвивали их, спускались вниз, переплетались и образовывали самые причудливые, отливавшие по краям золотом и яркими красками гирлянды; такие гирлянды можно встретить разве только в заставках и начальных буквах старинных книг. Тут были и яркие цветы, и птицы, и самые затейливые завитушки. В траве сидела, блестя распушенными хвостами, целая стая павлинов.

Да павлинов ли? Конечно павлинов! То-то что нет: принц потрогал их, и оказалось, что это вовсе не птицы, а растения, огромные кусты репейника, блестящего самыми яркими красками! Между зелеными благоухающими кустами дрыгали, точно гибкие кошки, львы, тигры; кусты пахли оливками, а звери были совсем ручные; дикая лесная голубка, с жемчужным отливом на перьях, хлопала льва крылышками по гриве, а антилопа, вообще такая робкая и пугливая, стояла возле них и кивала головой, словно давая знать, что и она не прочь поиграть с ними.

Но вот появилась сама фея; одежды ее сверкали, как солнце, а лицо сияло такою лаской и приветливою улыбкой, как лицо матери, радующейся на своего ребенка. Она была молода и чудо как хороша собой; ее окружали красавицы девушки с блестящими звездами в волосах.

Восточный ветер подал ей послание птицы Феникс, и глаза феи заблестали от радости. Она взяла принца за руку и повела его в свой замок; стены замка были похожи на лепестки тюльпана, если их держать против солнца, ж потолок был блестящим цветком, опрокинутым вниз чашечкой, углублявшейся тем больше, чем дальше в него всматривались. Принц подошел к одному из окон, поглядел в стекло, и ему показалось, что он видит дерево познания добра и зла; в ветвях его пряталась змея, а возле стояли Адам и Ева.

- Разве они не изгнаны? - спросил принц.

Фея улыбнулась и объяснила ему, что на каждом стекле время начертало неизгладимую картину, озаренную жизнью: листья дерева шевелились, а люди двигались, - ну вот как бывает с отражениями в зеркале! Принц подошел к другому окну и увидел на стекле сон Иакова: с

неба спускалась лестница, а по ней сходили и восходили ангелы с большими крыльями за плечами. Да, все, что было или совершилось когда-то на свете, по-прежнему жило и двигалось на оконных стеклах замка; такие чудесные картины могло начертать своим неизгладимым резцом лишь время.

Фея, улыбаясь, ввела принца в огромный, высокий покой, со стенами из прозрачных картин, - из них повсюду выглядывали головки, одна прелестнее другой. Это были сонмы блаженных духов; они улыбались и пели; голоса их сливались в одну дивную гармонию; самые верхние из них были меньше бутонов розы, если их нарисовать на бумаге в виде крошечных точек. Посреди этого покоя стояло могучее дерево, покрытое зеленью, в которой сверкали большие и маленькие золотистые, как апельсины, яблоки. То было дерево познания добра и зла, плодов которого вкусили когда-то Адам и Ева. С каждого листика капала блестящая красная роса, - дерево точно плакало кровавыми слезами.

- Сядем теперь в лодку! - сказала фея. - Нас ждет там такое угощение, что чудо! Представь, лодка только покачивается на волнах, но не двигается, а все страны света сами проходят мимо!

И в самом деле, это было поразительное зрелище; лодка стояла, а берега двигались! Вот показались высокие снежные Альпы с облаками и темными сосновыми лесами на вершинах, протяжно-жалобно прозвучал рог, и раздалась, звучная песня горного пастуха. Вот над лодкой свесились, длинные гибкие листья бананов; поплыли стаи черных как смоль лебедей; показались удивительнейшие животные и цветы, а вдаль поднялись голубые горы; это была Новая Голландия, пятая часть света. Вот слышалось пение жрецов, и под звуки барабанов и костяных флейт закружились в бешеной пляске толпы дикарей. Мимо проплыли вздымавшиеся к облакам египетские пирамиды, низверженные колонны и сфинксы, наполовину погребенные в песке. Вот осветились северным сиянием потухшие вулканы севера. Да, кто бы мог устроить подобный фейерверк? Принц был вне себя от восторга: еще бы, он-то видел ведь во сто раз больше, чем мы тут рассказываем.

- И я могу здесь остаться навсегда? - спросил он.

- Это зависит от тебя самого! - отвечала фея. - Если ты не станешь добиваться запрещенного, как твой прародитель Адам, то можешь остаться здесь навеки!

- Я не дотронусь до плодов познания добра и зла! - сказал принц. - Тут ведь тысячи других прекрасных плодов!

- Испытай себя, и если борьба покажется тебе слишком тяжелою, улетай обратно с Восточным ветром, который вернется сюда опять через сто лет! Сто лет пролетят для тебя, как сто часов, но это довольно долгий срок, если дело идет о борьбе с греховным соблазном. Каждый вечер, расставаясь с тобой, - буду я звать тебя: "Ко мне, ко мне!" Стану манить тебя рукой, но ты не трогайся с места, не иди на мой зов; с каждым шагом тоска желания будет в тебе усиливаться и наконец увлечет тебя в тот покой, где стоит дерево познания добра и зла. Я буду спать под его благоухающими пышными ветвями, и ты наклонишься, чтобы рассмотреть меня поближе; я улыбнусь тебе, и ты поцелуешь меня... Тогда Райский сад уйдет в землю еще глубже и будет для тебя потерян. Резкий ветер будет пронизывать тебя до костей, холодный дождь - мочить твою голову; горе и бедствия будут твоим уделом!

- Я остаюсь! - сказал принц.

Восточный ветер поцеловал принца в лоб и сказал:

- Будь тверд, и мы свидимся опять через сто лет! Прощай, прощай!

И Восточный ветер взмахнул своими большими крылами, блеснувшими, как зарница во тьме осенней ночи или как северное сияние во мраке полярной зимы.

- Прощай! Прощай! - запели все цветы и деревья. Стаи аистов и пеликанов полетели, точно развевающиеся ленты, проводить Восточного ветра до границ сада.

- Теперь начнутся танцы! - сказала фея. - Но на закате солнца, танцуя с тобой, я начну манить тебя рукой и звать: "Ко мне! Ко мне!" Не слушай же меня! В продолжение ста лет каждый вечер будет повторяться то же самое, но ты с каждым днем будешь становиться все сильнее и сильнее и под конец перестанешь даже обращать на мой зов внимание. Сегодня вечером тебе предстоит выдержать первое испытание! Теперь ты предупрежден!

И фея повела его в обширный покой из белых прозрачных лилий с маленькими, игравшими сами собою, золотыми арфами вместо тычинок. Прелестные стройные девушки в прозрачных одеждах понеслись в воздушной пляске и запели о радостях и блаженстве бессмертной жизни в вечно цветущем Райском саду.

Но вот солнце село, небо засияло, как расплавленное золото, и на лилии упал розовый отблеск. Принц выпил пенистого вина, поднесенного ему девушками, и почувствовал прилив несказанного блаженства. Вдруг задняя стена покоя раскрылась, и принц увидел дерево познания добра и зла, окруженное ослепительным сиянием, из-за дерева неслась тихая, ласкающая слух песня; ему почудился голос его матери, певшей: "Дитя мое! Мое милое, дорогое дитя!"

И фея стала манить его рукой и звать нежным голосом: "Ко мне, ко мне!" Он двинулся за нею, забыв свое обещание в первый же вечер! А она все манила его и улыбалась... Пряный аромат, разлитый в воздухе, становился все сильнее; арфы звучали все слаще; казалось, что это пели хором сами блаженные духи: "Все нужно знать! Все надо изведать! Человек - царь природы!" Принцу показалось, что с дерева уже не капала больше кровь, а сыпались красные блестящие звездочки. "Ко мне! Ко мне!" - звучала воздушная мелодия, и с каждым шагом щеки принца разгорались, а кровь волновалась все сильнее и сильнее.

- Я должен идти! - говорил он. - В этом ведь нет и не может быть греха! Зачем убегать от красоты и наслаждения? Я только полюбуюсь, посмотрю на нее спящую! Я ведь не поцелую ее! Я достаточно тверд и сумею совладать с собой!

Сверкающий плащ упал с плеч феи; она раздвинула ветви дерева и в одно мгновение скрылась за ним.

- Я еще не нарушил обещания! - сказал принц. - И не хочу его нарушать!

С этими словами он раздвинул ветви... Фея спала такая прелестная, какую может быть только фея Райского сада. Улыбка играла на ее устах, но на длинных ресницах дрожали слезинки.

- Ты плачешь из-за меня? - прошептал он. - Не плачь, очаровательная фея! Теперь только я понял райское блаженство, оно течет огнем в моей крови, воспламеняет мысли, я чувствую неземную силу и мощь во всем своем существе!.. Пусть же настанет для меня потом вечная ночь - одна такая минута дороже всего в мире!

И он поцеловал слезы, дрожавшие на ее ресницах, уста его прикоснулись к ее устам.

Раздался страшный удар грома, какого не слышал еще никогда никто, и все смешалось в глазах принца; фея исчезла, цветущий Райский сад ушел глубоко в землю. Принц видел, как он

исчезал во тьме непроглядной ночи, и вот от него осталась только маленькая сверкающая вдали звездочка. Смертный холод сковал его члены, глаза закрылись, и он упал как мертвый.

Холодный дождь мочил ему лицо, резкий ветер леденил голову, и он очнулся.

- Что я сделал! - вздохнул он. - Я нарушил свой обет, как Адам, и вот Райский сад ушел глубоко в землю!

Он открыл глаза; вдали еще мерцала звездочка, последний след исчезнувшего рая. Это сияла на небе утренняя звезда.

Принц встал; он был опять в том же лесу, у пещеры ветров; возле него сидела мать ветров. Она сердито посмотрела на него и грозно подняла руку.

- В первый же вечер! - сказала она, - Так я и думала! Да, будь ты моим сыном, сидел бы ты теперь в мешке!

- Он еще попадет туда! - сказала Смерть, - это был крепкий старик с косой в руке и большими черными крыльями за спиной. - И он уляжется в гроб, хоть и не сейчас. Я лишь отмечу его и дам ему время постранствовать по белу свету и искупить свой грех добрыми делами! Потом я приду за ним в тот час, когда он меньше всего будет ожидать меня, упрячу его в черный гроб, поставлю себе на голову и отнесу его вон на ту звезду, где тоже цветет Райский сад; если он окажется добрым и благочестивым, он вступит туда, если же его мысли и сердце будут по-прежнему полны греха, гроб опустится с ним еще глубже, чем опустился Райский сад. Но каждую тысячу лет я буду приходить за ним, для того чтобы он погрузился еще глубже, или остался бы навеки на сияющей небесной звезде!

Перо и чернильница

Кто-то сказал однажды, глядя на чернильницу, стоявшую на письменном столе в кабинете поэта: «Удивительно, чего-чего только не выходит из этой чернильницы! А что-то выйдет из нее на этот раз?.. Да, поистине удивительно!»

- Именно! Это просто непостижимо! Я сама всегда это говорила! - обратилась чернильница к гусиному перу и другим предметам на столе, которые могли ее слышать. - Замечательно, чего только не выходит из меня! Просто невероятно даже! Я и сама, право, не знаю, что выйдет, когда человек опять начнет черпать из меня! Одной моей капли достаточно, чтобы исписать полстраницы, и чего-чего только не уместится на ней! Да, я нечто замечательное! Из меня выходят всевозможные поэтические творения! Все эти живые люди, которых узнают читатели, эти искренние чувства, юмор, дивные описания природы! Я и сама не возьму в толк - я ведь совсем не знаю природы, - как все это вмещается во мне? Однако же это так! Из меня вышли и выходят все эти воздушные, грациозные девичьи образы, отважные рыцари на фыркающих конях и кто там еще? Уверяю вас, все это получается совершенно бессознательно!

- Правильно! - сказала гусиное перо. - Если бы вы отнеслись к делу сознательно, вы бы поняли, что вы только сосуд с жидкостью. Вы смачиваете меня, чтобы я могло высказать и выложить на бумагу то, что ношу в себе! Пишет перо! В этом не сомневается ни единый человек, а полагаю, что большинство людей понимают в поэзии не меньше старой чернильницы!

- Вы слишком неопытны! - возразила чернильница. - Сколько вы служите? И недели-то нет, а уж почти совсем износились. Так вы воображаете, что это вы творите? Вы только слуга, и

много вас у меня перебивало – и гусиных и английских стальных! Да, я отлично знакома и с гусиными перьями и со стальными! И много вас еще перебивает у меня в услужении, пока человек будет продолжать записывать то, что почерпнет из меня!

– Чернильная бочка! – сказала перо.

Поздно вечером вернулся домой поэт; он пришел с концерта скрипача-виртуоза и весь был еще под впечатлением его бесподобной игры. В скрипке, казалось, был неисчерпаемый источник звуков: то как будто катились, звеня, словно жемчужины, капли воды, то щебетали птички, то ревела буря в сосновом бору. Поэту чудилось, что он слышит плач собственного сердца, выливавшийся в мелодии, похожей на гармоничный женский голос. Звучали, казалось, не только струны скрипки, но и все ее составные части. Удивительно, необычайно! Трудна была задача скрипача, и все же искусство его выглядело игрою, смычок словно сам порхал по струнам; всякий, казалось, мог сделать то же самое. Скрипка пела сама, смычок играл сам, вся суть как будто была в них, о мастере же, управлявшем ими, вложившем в них жизнь и душу, попросту забывали. Забывали все, но не забыл о нем поэт и написал вот что:

«Как безрассудно было бы со стороны смычка и скрипки кичиться своим искусством. А как часто делаем это мы, люди – поэты, художники, ученые, изобретатели, полководцы! Мы кичимся, а ведь все мы – только инструменты в руках создателя. Ему одному честь и хвала! А нам гордиться нечем!»

Так вот что написал поэт и озаглавил свою притчу «Мастер и инструменты».

– Что, дождались, сударыня? – сказала перо чернильнице, когда они остались одни. – Слышали, как он прочел вслух то, что я написало?

– То есть то, что вы извлекли из меня! – сказала чернильница. – Вы вполне заслужили этот щелчок своею спесью! И вы даже не понимаете, что над вами посмеялись! Я дала вам этот щелчок из собственного нутра. Уж позвольте мне узнать свою собственную сатиру!

– Чернильная душа! – сказала перо.

– Гусь лапчатый! – ответила чернильница.

И каждый решил, что ответил хорошо, а сознавать это приятно; с таким сознанием можно спать спокойно, они и заснули. Но поэт не спал; мысли волновались в нем, как звуки скрипки, катились жемчужинами, шумели, как буря в лесу, и он слышал в них голос собственного сердца, ощущал дыхание Великого мастера...

Ему одному честь и хвала!

Чего только не придумают...

Жил-был молодой человек. Он учился на поэта и хотел стать поэтом к пасхе, а потом жениться и зажить доходом от своих сочинений. Сочинять – значит придумывать что-то новое, это он знал, вот только придумывать не умел.

Слишком поздно он родился, все уже было разобрано до того, как он появился на свет, все воспето, обо всем написано.

– Как счастливы были те, что родились тысячу лет назад! – говорил он.

- Им не трудно было стяжать бессмертие! Даже тех, кто родился сто лет назад, можно считать счастливыми: все-таки тогда еще оставалось много такого, о чем можно было писать. А теперь все сюжеты для поэзии исчерпаны - о чем же я стану писать?

И до того он доучился, бедняга, что извел себя вконец и заболел. Ни один врач не мог ему помочь, разве что знахарка. Жила она в маленьком домике у шлагбаума, который должна была поднимать перед всадниками и экипажами. Но она умела открывать не только шлагбаум и была умнее самого доктора, ездившего в собственном экипаже и платившего налог за звание.

- Надо пойти к ней! - решил молодой человек.

Жила знахарка в маленьком, чистеньком домике без затей: ни дерева рядом, ни цветов. У дверей только улей - вещь очень полезная! И маленькое картофельное поле - вещь тоже очень полезная! А еще была тут канава, поросшая терновником. Терновник уже отцвел и был усыпан ягодами, от которых сводит рот, если отведать их до того, как их прихватит морозом.

"Вот воплощение нашего лишенного поэзии века!" - подумал молодой человек, и это уже была мысль, золотое зерно, найденное на пороге дома знахарки.

- Запиши ее! - сказала она. - И крошки тоже хлеб! Я знаю, зачем ты пришел: ты не умеешь ничего придумывать, а хочешь стать к пасхе поэтом!

- Обо всем уже написано! - сказал он. - Наше время не то, что доброе старое время!

- Конечно, нет! - отвечала знахарка. - В старые времена знахарок сжигали, а поэты ходили голодные, с продранными локтями. Наше время лучше, самое лучшее. Но у тебя нет правильного взгляда на вещи, нет острого слуха. Есть о чем петь и рассказывать и в наше время, надо только уметь рассказать. А мысли можно черпать где хочешь - в злаках и травах земных, в текучих и стоячих водах, надо только уметь, надо уметь поймать солнечный луч. На вот попробуйка мои очки, приставь к уху мой слуховой рожок и перестань думать только о самом себе.

Не думать о самом себе было трудненько, удивительно, как такая умная женщина могла даже потребовать этого.

Он взял очки и рожок и вышел на середину картофельного поля. Старуха дала ему большую картофелину. В картофелине звенело. Затем послышалась песня со словами - история картофелин, очень интересная будничная история в десяти строках; десяти строк было достаточно.

О чем же пела картофелина?

Она пела о себе и своей семье, о том, как картофель впервые появился в Европе, и о том презрении, какое ей довелось испытать, пока ее не признали за дар, более драгоценный, чем золотые самородки.

- По повелению короля нас раздавали в ратушах всех городов, всем было объявлено о нашем великом значении, но этому никто не верил, не знали даже, как нас сажать. Одни рыли яму и бросали в нее целую меру картофеля. Другие совали в землю одну картофелину здесь, другую там и ждали, что из каждой вырастет целое дерево, с которого можно будет стряхивать плоды. Появлялись отдельные кусты, цветы, водянистые плоды, остальное же погибало. Никому не приходило в голову порыться в земле, поискать там настоящие картофелины... Да, мы много вынесли и выстрадали, то есть не мы, а наши предки, но ведь это все едино.

- Вот так история! - сказал молодой человек.

- Ну, хватит, пожалуй. Теперь посмотри на терновник!

- У нас тоже есть близкие родственники на родине картофеля, но только севернее, - рассказывал терновник. - Туда явились норманны из Норвегии, они направились на запад сквозь туманы и бури в неведомую страну и там, за льдами и снегами, нашли травы и зеленые луга, кусты с темно-синими винными ягодами - терновник. Его ягоды созревали на морозе, как созреваем и мы. А та страна получила название Винланд - "Винная страна", или Гренландия - "Зеленая страна".

- В высшей степени романтическое повествование! - сказал молодой человек.

- Да, а теперь поднимись на насыпь, что возле канавы, - сказала старуха, - да погляди на дорогу, ты увидишь там людей.

- Вот так толпа! - сказал молодой человек. - Да тут историям конца не будет. Шум, гам! У меня просто в глазах рябит. Я лучше отойду назад.

- Нет, шагай вперед! - сказала старуха. - Шагай прямо в людскую толчею, пусть твои глаза и уши будут открыты и сердце тоже, тогда ты скоро что-нибудь да придумаешь. Только прежде чем идти, давай-ка сюда мои очки и слуховой рожок!

И она отняла у него то и другое.

- Теперь я ровно ничего не вижу! - сказал молодой человек. - И ничего не слышу.

- Ну, тогда не сделаться тебе к Пасхе поэтом.

- А когда же?

- Ни к Пасхе, ни к Троице! Тебе никогда ничего не придумать!

- Так за что же мне взяться, если я хочу зарабатывать на поэзии?

- Ну, этого-то ты можешь добиться хоть к масленице! - сказала старуха. - Трави поэтов! Рази их творения, это все равно что разить их самих. Главное, не дрейфь! Бей сплеча и тогда сколотишь деньжонок, чтобы прокормить себя и жену.

- Чего только не придумают! - сказал молодой человек и ну колотить поэтов направо и налево, раз уж сам не мог заделаться поэтом.

Все это нам поведала знахарка; кому же, как не ей, знать, чего только не придумают.

Скороходы

Был назначен приз, и даже два, один большой, другой малый, за наибольшую быстроту - не на состязании, а вообще в течение целого года.

- Я получил первый приз! - сказал заяц. - По-моему, уж можно ожидать справедливости, если судьи - твои близкие друзья и родные. Однако присудить второй приз улитке? Мне это даже обидно!

- Но ведь надо же принимать во внимание и усердие, и добрую волю, как справедливо рассудили высокоуважаемые судьи, и я вполне разделяю их мнение! - заметил заборный столб, бывший свидетелем присуждения призов. - Улитке понадобилось полгода, чтобы переползти через порог, но все-таки она спешила на совесть и даже сломала себе второпях бедренную кость! Она душой и телом отдавалась своему делу, да еще тащила на спине свой дом! Такое усердие достойно всяческого поощрения, вот почему ей и присужден второй приз.

- Могли бы, кажется, и меня взять в расчет! - сказала ласточка. - Быстрее меня на лету, смею думать, никого нет! Где только я не побывала! Везде, везде!

- В том-то и беда, - сказал столб. - Уж больно много вы рыскаете! Вечно рветесь в чужие края, чуть у нас холодком повеет. Вы не патриотка, а потому и не в счет.

- А если бы я проспала всю зиму в болоте, тогда на меня обратили бы внимание? - спросила ласточка.

- Принесите справку от самой болотницы, что вы проспали на родине хоть полгода, тогда посмотрим!

- Я-то заслуживала первого приза, а не второго! - заметила улитка. - Я ведь знаю, что заяц бежит, только когда думает, что за ним гонятся, - словом, из трусости! А я смотрела на движение как на свою жизненную задачу и пострадала при исполнении служебных обязанностей! И уж если кому и следовало присудить первый приз, так это мне! Но я не люблю поднимать шум, терпеть не могу!

И она плюнула.

- Я могу засвидетельствовать, что каждый приз был присужден справедливо! - заявила межевая веха. - Я вообще держусь порядка, меры, расчета. Уже восьмой раз я имею честь участвовать в присуждении призов, но только в этот раз настояла на своем. Дело в том, что я всегда присуждаю призы по алфавиту: для первого приза беру букву с начала, для второго - с конца. Потрудитесь теперь обратить внимание на мой счет: восьмая буква с начала - "з", и на первый приз я подала голос за зайца, а восьмая буква с конца - "у", и на второй приз я подала голос за улитку. В следующий раз первый приз назначу букве "и", а второй-букве "с". Главное, порядок! Иначе и опереться не на что.

- Не будь я сам в числе судей, я бы подал голос за себя! - сказал осел. - Надо принимать во внимание не только быстроту, но и другие качества - например, груз. На этот раз я, впрочем, не хотел упираться на эти обстоятельства, равно как и на ум зайца или на ловкость, с какой он путает следы, спасаясь от погони. Но есть обстоятельство, на которое вообще-то принято обращать внимание и которое никоим образом нельзя упускать из виду - это красота. Я взглянул на чудесные, хорошо развитые уши зайца

- на них, право, залюбуешься, - и мне показалось, что я вижу самого себя в детском возрасте! Вот я и подал голос за зайца.

- Ж-ж-жж! - зажужжала муха. - Я не собираюсь держать речь, хочу только сказать несколько слов. Уж я-то попроворнее всякого зайца, это я знаю точно! Недавно я даже подбила одному зайчишке заднюю ногу. Я сидела на паровозе, я это часто делаю - так лучше всего следить за собственной быстротой. Заяц долго бежал впереди поезда; он и не подозревал о моем присутствии. Наконец ему пришлось свернуть в сторону, и тут-то паровоз и толкнул его в заднюю ногу, а я сидела на паровозе. Заяц остался на месте, а я помчалась дальше. Кто же победил? Полагаю - я! Только очень он мне нужен, этот приз!

"А по-моему, - подумала дикая роза, вслух она ничего не сказала, не в ее характере это было, хотя и лучше было бы, если б она высказалась, - по-моему, и первого и второго приза заслуживает солнечный луч! Он вмиг пробегает безмерное пространство от солнца до земли и пробуждает от сна всю природу. Поцелуй его дарят красоту - мы, розы, алеем и благоухаем от них. А высокие судьи, кажется, совсем и не заметили его! Будь я лучом, я бы отплатила им солнечным ударом... Нет, это отняло бы у них последний ум, а они им и так небогаты. Лучше промолчать. В лесу мир и тишина! Как хорошо цвести, благоухать, упиваться светом и жить в сказаниях и песнях! Но солнечный луч переживет нас всех!"

- А какой первый приз? - спросил дождевой червь. Он проспал событие и только-только явился на сборный пункт.

- Свободный вход в огород с капустой! - ответил осел. - Я сам назначал призы! Первый приз должен был получить заяц, и я, как мыслящий и деятельный член судейской комиссии, обратил надлежащее внимание на потребности и нужды зайца. Теперь он обеспечен. А улитке мы предоставили право сидеть на придорожном камне, греться на солнце и лакомиться мхом. Кроме того, она избрана одним из главных судей в соревнованиях по бегу. Хорошо ведь иметь специалиста в комиссии, как это называется у людей. И, скажу прямо, судя по такому прекрасному началу, мы вправе ожидать в будущем многого!

История года

Дело было в конце января; бушевала страшная метель; снежные вихри носились по улицам и переулкам; снег залеплял окна домов, валился с крыш комьями, а ветер так и подгонял прохожих. Они бежали, летели стремглав, пока не попадали друг другу в объятия и не останавливались на минуту, крепко держась один за другого. Экипажи и лошади были точно напудрены; лакеи стояли на запятках спиной к экипажам и к ветру, а пешеходы старались держаться за ветром под прикрытием карет, едва тащившихся по глубокому снегу. Когда же наконец метель утихла и вдоль домов прочистили узенькие дорожки, прохожие беспрестанно сталкивались и останавливались друг перед другом в выжидательных позах: никому не хотелось первому шагнуть в снежный сугроб, уступая дорогу другому. Но вот, словно по безмолвному соглашению, каждый жертвовал одною ногой, опуская ее в снег.

К вечеру погода совсем стихла; небо стало таким ясным, чистым, точно его вымели, и казалось даже как-то выше и прозрачнее, а звездочки, словно вычищенные заново, сияли и искрились голубоватыми огоньками. Мороз так и трещал, и к утру верхний слой снега настолько окреп, что воробьи прыгали по нему, не проваливаясь. Они шмыгали из сугроба в сугроб, прыгали к по прочищенным тропинкам, но ни тут, ни там не попадалось ничего съедобного. Воробышки порядком иззябли.

- Пип! - говорили они между собою. - И это Новый год! Да он хуже старого! Не стоило и менять! Нет, мы недовольны, и не без причины!

- А люди-то, люди-то что шуму наделали, встречая Новый год! - сказал маленький иззябший воробышек. - И стреляли, и глиняные горшки о двери разбивали, ну, словом, себя не помнили от радости - и все оттого, что старому году пришел конец! Я было тоже обрадовался, думал, что вот теперь Наступит тепло; не тут-то было! Морозит еще пуще прежнего! Люди, видно, сбились с толку и перепутали времена года!

- И впрямь! - подхватил третий - старый воробей с седым хохолком. - У них ведь имеется такая штука - собственное их изобретение - календарь, как они зовут ее, и вот они воображают, что все на свете должно идти по этому календарю! Как бы не так! Вот придет весна, тогда и

наступит Новый год, а никак не раньше, так уж раз навсегда заведено в природе, и я придерживаюсь этого счисления.

- А когда же придет весна? – спросили другие воробьи.

- Она придет, когда прилетит первый аист. Но он не особенно-то аккуратен, и трудно рассчитать заранее, когда именно он прилетит! Впрочем, уж если вообще разузнавать об этом, то не здесь, в городе – тут никто ничего не знает толком, – а в деревне! Полетим-ка туда дожидаться весны! Туда она все-таки скорее придет!

- Все это прекрасно! – сказала воробьиша, которая давно вертелась тут же и чирикала, но в разговор не вступала. – Одно вот только: здесь, в городе, я привыкла к некоторым удобствам, а найду ли я их в деревне – не знаю! Тут есть одна человеческая семья; ей пришла разумная мысль – прибить к стене три-четыре пустых горшка из-под цветов. Верхним краем они плотно прилегают к стене, дно же обращено наружу, и в нем есть маленькое отверстие, через которое я свободно влетаю и вылетаю. Там-то мы с мужем и устроили себе гнездо, оттуда повылетели и все наши птенчики. Понятное дело, люди устроили все это для собственного удовольствия, чтобы полюбоваться нами; иначе бы они и пальцем не шевельнули! Они бросают нам хлебные крошки, – тоже ради своего удовольствия, – ну, а нам-то все-таки корм! Таким образом, мы здесь до некоторой степени обеспечены, и я думаю, что мы с мужем останемся здесь! Мы тоже очень недовольны, но все-таки останемся.

- А мы полетим в деревню – поглядеть, не идет ли весна! – сказали другие и улетели.

В деревне стояла настоящая зима, и было, пожалуй, еще холоднее, чем в городе. Резкий ветер носился над снежными полями. Крестьянин в больших теплых рукавицах ехал на санях, похлопывая руками, чтобы выколотить из них мороз, кнут лежал у него на коленях, но исхудалые лошади бежали рысью; пар так и валил от них. Снег скрипел под полозьями, а воробьи прыгали по санным колесам и мерзли.

- Пип! Когда же придет весна? Зима тянется что-то уж больно долго!

- Больно долго! – слышалось с высокого холма, занесенного снегом, и эхом прокатилось по полям. Может статься, это и было только эхо, а может быть, и голос диковинного старика, сидевшего на холме на куче сена. Старик был бел как лунь – с белыми волосами и бородою, и одет во что-то вроде белого крестьянского тулупа. На бледном лице его так и горели большие светлые глаза.

- Что это за старик? – спросили воробьи.

- Я знаю его! – сказал старый ворон, сидевший на плетне. Он снисходительно признавал, что «все мы – мелкие птички перед творцом», и потому благосклонно взялся разъяснить воробьям их недоумение.

- Я знаю, кто он. Это Зима, старый прошлогодний повелитель. Он вовсе не умер еще, как говорит календарь, и назначен регентом до появления молодого принца, Весны. Да, Зима еще правит у нас царством! У! Что, продрогли небось, малыши?

- Ну, не говорил ли я, – сказал самый маленький воробышек, – что календарь – пустая человеческая выдумка! Он совсем не приноровлен к природе. Да и разве у людей есть какое-нибудь чутье? Уж предоставили бы они распределять времена года нам – мы потоньше, почувствительнее их созданы!

Прошла неделя, другая. Лес уже почернел, лед на озере стал походить на застывший свинец, облака... нет, какие там облака?! Сплошной туман окутал всю землю. Большие черные вороны летали стаями, но молча; все в природе словно погрузилось в тяжелый сон. Но вот по озеру скользнул солнечный луч, и лед заблестел, как расплавленное олово. Снежный покров на полях и на холмах уже потерял свой блеск, но белая фигура старика Зимы сидела еще на прежнем месте, устремив взор к югу. Он и не замечал, что снежная пелена все уходила в землю, что там и сям проглянули клочки зеленого дерна, на которых толклись кучи воробьев.

- Кви-вит! Кви-вит! Уж не весна ли?

- Весна! – прокатилось эхом над полями и лугами, пробежало по темно-бурым лесам, где стволы старых деревьев оделись уже свежим, зеленым мхом. И вот с юга показалась первая пара аистов. У каждого на спине сидело по прелестному ребенку: у одного – мальчик, у другого – девочка. Ступив на землю, дети поцеловали ее и пошли рука об руку, а по следам их расцветали прямо на снегу белые цветочки. Дети подошли к старику Зиме и прильнули к его груди. В то же мгновение все трое, а с ними и вся местность, исчезли в облаке густого, влажного тумана. Немного погодя подул ветер и разом разогнал туман; просияло солнышко – Зима исчезла, и на троне природы сидели прелестные дети Весны.

- Вот это так Новый год! – сказали воробьи. – Теперь, надо полагать, нас вознаградят за все зимние невзгоды!

Куда ни оборачивались дети – всюду кусты и деревья покрывались зелеными почками, трава росла все выше и выше, хлеба зеленели ярче. Девочка так и сыпала на землю цветами; у нее в переднике было так много цветов, что, как она ни торопилась разбрасывать их, передник все был полнехонек. В порыве резвости девочка брызнула на яблони и персиковые деревья настоящим цветочным дождем, и деревца стояли в полном цвету, даже не успев еще как следует одеться зеленью.

Девочка захлопала в ладоши, хлопнул и мальчик, и вот, откуда ни возмись, налетели, с пением и щебетанием, стаи птичек: «Весна пришла!»

Любо было посмотреть кругом! То из одной, то из другой избушки выползали за порог старые бабушки, поразмять на солнышке свои косточки и полюбоваться на желтые цветочки, золотившие луг точь-в-точь как и в дни далекой юности старушек. Да, мир вновь помолодел, и они говорили: «Что за благодатный денек сегодня!»

Но лес все еще оставался буро-зеленым, на деревьях не было еще листьев, а одни почки; зато на лесных полянах благоухал уже молоденький дикий яминник, цвели фиалки и анемоны. Все былинки налились живительным соком; по земле раскинулся пышный зеленый ковер, и на нем сидела молодая парочка, держась за руки. Дети Весны пели, улыбались и все росли да росли.

Теплый дождичек накрапывал с неба, но они и не замечали его: дождевые капли смешивались со слезами радости жениха и невесты. Юная парочка поцеловалась, и в ту же минуту лес оделся зеленью. Встало солнышко – все деревья стояли в роскошном лиственном уборе.

Рука об руку двинулись жених с невестой под этот свежий густой навес, где зелень отливала, благодаря игре света и теней, тысячами различных оттенков. Девственно чистая, нежная листва распространяла живительный аромат, звонко и весело журчали ручейки и речки, пробираясь между бархатисто-зеленой осокой и пестрыми камушками. «Так было, есть и будет во веки веков!» - говорила вся природа. Чу! Закуковала кукушка, зазвенела песня жаворонка! Весна была в полном разгаре; только ивы все еще не снимали со своих цветочков пуховых

рукавичек; такие уж они осторожные – просто скучно!

Дни шли за днями, недели за неделями, землю так и обдавало теплом; волны горячего воздуха проникали в хлебные колосья, и они стали желтеть. Белый лотос севера раскинул по зеркальной глади лесных озер свои широкие зеленые листья, и рыбки прятались под их тенью. На солнечной стороне леса, за ветром, возле облитой солнцем стены крестьянского домика, где пышно расцветали под жгучими ласками солнечных лучей роскошные розы и росли вишневые деревья, осыпанные сочными, черными, горячими ягодами, сидела прекрасная жена Лета, которую мы видели сначала девочкой, а потом невестой. Она смотрела на темные облака, громоздившиеся друг на друга высокими черно-синими, угрюмыми горами; они надвигались с трех сторон и наконец нависли над лесом, как окаменелое, опрокинутое вверх дном море. В лесу все затихло, словно по мановению волшебного жезла; прилегли ветерки, замолкли пташки, вся природа замерла в торжественном ожидании, а по дороге и по тропинкам неслись сломя голову люди в телегах, верхом и пешком, – все спешили укрыться от грозы. Вдруг блеснул ослепительный луч света, словно солнце на миг прорвало тучи, затем вновь воцарилась тьма и прокатился глухой раскат грома. Вода хлынула с неба потоками. Тьма и свет, тишина и громовые раскаты сменяли друг друга. По молодому тростнику, с коричневыми султанами на головках, так и ходили от ветра волны за волнами; ветви деревьев совсем скрылись за частой дождевой сеткою; свет и тьма, тишина и громовые удары чередовались ежеминутно. Трава и колосья лежали пластами; казалось, они уже никогда не в силах будут подняться. Но вот ливень перешел в крупный, редкий дождь, выглянуло солнышко, и на былинках и листьях засверкали крупные перлы; запели птички, заплескались в воде рыбки, заплясали комары. На камне, что высовывался у самого берега из соленой морской пены, сидело и грелось на солнышке Лето, могучий, крепкий, мускулистый муж. С кудрей его стекали целые потоки воды, и он смотрел таким освеженным, словно помолодевшим после холодного купанья. Помолодела, освежилась и вся природа, все вокруг цвело с небывалою пышностью, силой и красотой! Наступило лето, теплое, благодатное лето!

От густо взошедшего на поле клевера струился сладкий живительный аромат, и пчелы жужжали над местом древних собраний. Жертвенный камень, омытый дождем, ярко блестел на солнце; цепкие побеги ежевики одели его густою бахромой. К нему подлетела царица пчел со своим роем; они возложили на жертвенник плоды от трудов своих – воск и мед. Никто не видал жертвоприношения, кроме самого Лета и его полной жизненных сил подруги; для них-то и были уготованы жертвенные дары природы.

Вечернее небо сияло золотом; никакой церковный купол не мог сравниться с ним; от вечерней и до утренней зари сиял месяц. На дворе стояло лето.

И дни шли за днями, недели за неделями. На полях засверкали блестящие косы и серпы, ветви ветки яблонь согнулись под тяжестью красных и золотых плодов. Душистый хмель висел крупными кистями. В тени орешника, осыпанного орехами, сидевшими в зеленых гнездышках, отдыхали муж с женою – Лето со своею серьезною, задумчивою подругою.

- Что за роскошь! – сказала она. – Что за благодать, куда ни поглядишь! Как хорошо, как уютно на земле, и все-таки – сама не знаю почему – я жажду... покоя, отдыха... Других слов подобрать не могу! А люди уж снова вспахивают поля! Они вечно стремятся добыть себе больше и больше!.. Вон аисты ходят по бороздам вслед за плугом... Это они, египетские птицы, принесли нас сюда! Помнишь, как мы прилетели сюда, на север, детьми?.. Мы принесли с собой цветы, солнечный свет и зеленую листву! А теперь... ветер почти всю ее оборвал, деревья побурели, потемнели и стали похожи на деревья юга; только нет на них золотых плодов, какие растут там!

- Тебе хочется видеть золотые плоды? – сказала Лето. – Любуйся! – Он махнул рукою – и леса запестрели красноватыми и золотистыми листьями. Вот было великолепие! На кустах шиповника засияли огненно-красные плоды, ветви бузины покрылись крупными темно-красными ягодами, спелые дикие каштаны сами выпадали из темно-зеленых гнезд, а в лесу снова зацвели фиалки.

Но царица года становилась все молчаливее и бледнее.

- Повеяло холодом! – говорила она. – По ночам встают сырые туманы. Я тоскую по нашей родине!

И она смотрела вслед улетающим на юг аистам и протягивала к ним руки. Потом она заглянула в их опустевшие гнезда; в одном вырос стройный василек, в другом – желтая сурепка, словно гнезда только для того и были свиты, чтобы служить им оградой! Залетели туда и воробьи.

- Пип! А куда же девались хозяева? Ишь, подуло на них ветерком – они и прочь сейчас! Скатертью дорога!

Листья на деревьях все желтели и желтели, начался листопад, зашумели осенние ветры – настала поздняя осень. Царица года лежала на земле, усыпанной пожелтевшими листьями; кроткий взор ее был устремлен на сияющие звезды небесные; рядом с нею стоял ее муж. Вдруг поднялся вихрь и закрутил сухие листья столбом. Когда вихрь утих – царицы года уже не было; в холодном воздухе кружилась только бабочка, последняя в этом году.

Землю окутали густые туманы, подули холодные ветры, потянулись долгие темные ночи. Царь года стоял с убежденною сединой головою; но сам он не знал, что поседел, – он думал, что кудри его только запушило снегом! Зеленые поля покрылись тонкою снежною пеленою.

И вот колокола возвестили наступление сочельника.

- Рождественский звон! – сказал царь года. – Скоро народится новая царственная чета, а я обрету покой, унесусь вслед за нею на сияющую звезду!

В свежем, зеленом сосновом лесу, занесенном снегом, появился рождественский ангел и осветил молодые деревца, предназначенные служить символом праздника.

- Радость в жилищах людей и в зеленом лесу! – сказал престарелый царь года; в несколько недель он превратился в белого как лунь старика. – Приближается час моего отдыха! Корона и скипетр переходят к юной чете.

- И все же власть пока в твоих руках! – сказал ангел. – Власть, но не покой! Укрой снежным покровом молодые ростки! Перенеси терпеливо торжественное провозглашение нового повелителя, хотя власть еще и в твоих руках! Терпеливо перенеси забвение, хотя ты и жив еще! Час твоего успокоения придет, когда настанет весна!

- Когда же настанет весна? – спросила Зима.

- Когда прилетят с юга аисты!

И вот седоволосая, седобородая, обледеневшая, старая, согбенная, но все еще сильная и могущественная, как снежные бури и метели, сидела Зима на высоком холме, на куче снега, и не сводила глаз с юга, как прошлогодняя Зима. Лед трещал, снег скрипел, конькобежцы стрелой скользили по блестящему льду озер, вороны и вороны чернели на белом фоне; не было

ни малейшего ветерка. Среди этой тишины Зима сжала кулаки, и – толстый лед сковал все проливы.

Из города опять прилетели воробьи и спросили:

- Что это за старик там?

На плетне опять сидел тот же ворон или сын его – все едино – и отвечал им:

- Это Зима! Прошлогодний повелитель! Он не умер еще, как говорит календарь, а состоит регентом до прихода молодого принца – Весны!

- Когда же придет Весна? – спросили воробьи. – Может быть, у нас настанут лучшие времена, как переменится правительство! Старое никуда не годится!

А Зима задумчиво кивала голому черному лесу, где так ясно, отчетливо вырисовывались каждая веточка, каждый кустик. И землю окутали облака холодных туманов; природа погрузилась в зимнюю спячку. Повелитель года грезил о днях своей юности и зрелости, и к утру все леса оделись сверкающей бахромой из инея, – это был летний сон Зимы; взошло солнышко, и бахрома осыпалась.

- Когда же придет Весна? – опять спросили воробьи.

- Весна! – раздалось эхом с снежного холма.

И вот солнышко стало пригревать все теплее и теплее, снег стаял, птички защибетали: «Весна идет!»

Высоко-высоко по поднебесью неслись первый аист, за ним другой; у каждого на спине сидело по прелестному ребенку. Дети ступили на поля, поцеловали землю, поцеловали и безмолвного старика Зимы, и он, как Моисей с горы, исчез в тумане!

История года кончена.

- Все это прекрасно и совершенно верно, – заметили воробьи, – но не по календарю, а потому никуда не годится!

Старый дом

На одной улице стоял старый-старый дом, выстроенный еще около трехсот лет тому назад, – год его постройки был вырезан на одном из оконных карнизов, по которым вилась затейливая резьба: тюльпаны и побеги хмеля; тут же было вырезано старинными буквами и с соблюдением старинной орфографии целое стихотворение. На других карнизах красовались уморительные рожи, корчившие гримасы. Верхний этаж дома образовывал над нижним большой выступ; под самой крышей шел водосточный желоб оканчивавшийся головой дракона. Дождевая вода должна была вытекать у дракона из пасти, но текла из живота – желоб был дырявый.

Все остальные дома на улице были такие новенькие, чистенькие, с большими окнами и прямыми, ровными стенами; по всему видно было, что они не желали иметь со старым домом ничего общего и даже думали: "Долго ли он будет торчать тут на позор всей улице? Из-за этого выступа нам не видно, что делается по ту сторону дома! А лестница-то, лестница-то! Широкая, будто во дворце, и высокая, словно ведет на колокольню! Железные перила напоминают вход в могильный склеп, а на дверях блестят большие медные бляхи! Просто неприлично!"

Против старого дома, на другой стороне улицы, стояли такие же новенькие, чистенькие домики и думали то же, что их собратья; но в одном из них сидел у окна маленький краснощекий мальчик с ясными, сияющими глазами; ему старый дом и при солнечном и при лунном свете нравился куда больше всех остальных домов. Глядя на стену старого дома с потрескавшейся и местами пообвалившейся штукатуркой, он рисовал себе самые причудливые картины прошлого, воображал всю улицу застроенной такими же домами, с широкими лестницами, выступами и остроконечными крышами, видел перед собою солдат с алебардами и водосточные желобы в виде драконов и змиев... Да, можно таки было заглядеться на старый дом! Жил в нем один старичок, носивший короткие панталоны до колен, кафтан с большими металлическими пуговицами и парик, про который сразу можно было сказать: вот это настоящий парик! По утрам к старику приходил старый слуга, который прибирал все в доме и исполнял поручения старичка хозяина; остальное время дня старик оставался в доме один-одинешенек. Иногда он подходил к окну взглянуть на улицу и на соседние дома; мальчик, сидевший у окна, кивал старику головой и получал в ответ такой же дружеский кивок. Так они познакомились и подружились, хоть и ни разу не говорили друг с другом, - это ничуть им не помешало!

Раз мальчик услышал, как родители его говорили:

- Старику живется вообще не дурно, но он так одинок, бедный!

В следующее же воскресенье мальчик завернул что-то в бумажку, вышел за ворота и остановил проходившего мимо слугу старика.

- Послушай! Снеси-ка это от меня старому господину! У меня два оловянных солдатика, так вот ему один! Пусть он останется у него, ведь старый господин так одинок, бедный!

Слуга, видимо, обрадовался, кивнул головой и отнес солдатика в старый дом. Потом тот же слуга явился к мальчику спросить, не пожелает ли он сам навестить старого господина. Родители позволили, и мальчик отправился в гости.

Медные бляхи на перилах лестницы блестели ярче обыкновенного, точно их вычистили в ожидании гостя, а резные трубаки - на дверях были ведь вырезаны трубаки, выглядывавшие из тюльпанов, - казалось, трубили изо всех сил, и щеки их раздувались сильнее, чем всегда. Они трубили: "Тра-та-та - та! Мальчик идет! Тра-та-та-та!" Двери отворились, и мальчик вошел в коридор. Все стены были увешаны старыми портретами рыцарей в латах и дам в шелковых платьях; рыцарские доспехи бряцали, а платья шуршали... Потом мальчик прошел на лестницу, которая сначала шла высоко вверх, а потом опять вниз, и очутился на довольно-таки ветхой террасе с большими дырами и широкими щелями в полу, из которых выглядывали зеленые трава и листья. Вся терраса, весь двор и даже вся стена дома были увиты зеленью, так что терраса выглядела настоящим садом, а на самом-то деле это была терраса! Тут стояли старинные цветочные горшки в виде голов с ослиными ушами; цветы росли в них как хотели. В одном горшке так и лезла через край гвоздика: зеленые ростки ее разбегались во все стороны, и гвоздика как будто говорила: "Ветерок ласкает меня, солнышко целует и обещает подарить мне в воскресенье еще один цветочек! Еще один цветочек в воскресенье!"

С террасы мальчика провели в комнату, обитую свиной кожей с золотым тиснением.

Да, позолота-то сотрется,
Свиная ж кожа остается! -

говорили стены.

В той же комнате стояли разукрашенные резьбою кресла с высокими спинками.

- Садись! Садись! - приглашали они, а потом жалобно скрипели. - Ох, какая ломота в костях! И мы схватили ревматизм, как старый шкаф. Ревматизм в спине! Ох!

Затем мальчик вошел в комнату с большим выступом на улицу. Тут сидел сам старичок хозяин.

- Спасибо за оловянного солдатика, дружок! - сказал он мальчику. - И спасибо, что сам зашел ко мне!

"Так, так" или, скорее, "кхак, кхак!" - закричала и заскрипела мебель. Стульев, столов и кресел было так много, что они мешали друг другу смотреть на мальчика.

На стене висел портрет прелестной молодой дамы с живым, веселым лицом, но причесанной и одетой по старинной моде: волосы ее были напудрены, а платье стояло колом. Она не сказала ни "так", ни "кхак", но ласково смотрела на мальчика, и он сейчас же спросил старика:

- Где вы ее достали?

- В лавке старьевщика! - отвечал тот. - Там много таких портретов, но никому до них нет дела: никто не знает, с кого они писаны, - все эти лица давным-давно умерли и похоронены. Вот и этой дамы нет на свете лет пятьдесят, но я знал ее в старину.

Под картиной висел за стеклом букетик засушенных цветов; им, верно, тоже было лет под пятьдесят, - такие они были старые! Маятник больших старинных часов качался взад и вперед, стрелка двигалась, и все в комнате старело с каждой минутой, само того не замечая.

- У нас дома говорят, что ты ужасно одинок! - сказал мальчик.

- О! Меня постоянно навещают воспоминания знакомых лиц и образов!.. А теперь вот и ты навестил меня! Нет, мне хорошо!

И старичок снял с полки книгу с картинками. Тут были целые процессии, диковинные кареты, которых теперь уж не увидишь, солдаты, похожие на трефовых валетов, городские ремесленники с развевающимися знаменами. У портных на знаменах красовались ножницы, поддерживаемые двумя львами, у сапожников же не сапоги, а орел с двух головах - сапожники ведь делают все парные вещи. Да, вот так картинки были!

Старичок хозяин пошел в другую комнату за вареньем, яблоками и орехами. Нет, в старом доме, право, было прелесть как хорошо!

- А мне просто невмочь оставаться здесь! - сказал оловянный солдатик, стоявший на сундуке. - Тут так пусто и печально. Нет, кто привык к семейной жизни, тому здесь не житье. Сил моих больше нет! День тянется здесь без конца, а вечер и того дольше! Тут не услышишь ни приятных бесед, какие вели, бывало, между собою твои родители, ни веселой возни ребятишек, как у нас! Старый хозяин так одинок! Ты думаешь, его кто-нибудь целует? Глядит на него кто-нибудь ласково? Бывает у него елка? Получает он подарки? Ничего! Вот разве гроб он получит!.. Нет, право, я не выдержу такого житья!

- Ну, ну полно! - сказал мальчик. - По-моему, здесь чудесно; сюда ведь заглядывают воспоминания и приводят с собою столько знакомых лиц!

- Что-то не видал их, да они мне и не знакомы! - отвечал оловянный солдатик. - Нет, мне просто

не под силу оставаться здесь!

- А надо! - сказал мальчик.

В эту минуту в комнату вошел с веселой улыбкой на лице старичок, и чего-чего он только не принес! И варенья, и яблок, и орехов! Мальчик перестал и думать об оловянном солдатике.

Веселый и довольный вернулся он домой. Дни шли за днями; мальчик по-прежнему посылал в старый дом поклоны, а оттуда тоже поклоны в ответ, и вот мальчик опять отправился туда в гости.

Резные трубачи опять затрубили: "Тра-та-та-та! Мальчик пришел! Тра-та-та-та!" Рыцари и дамы на портретах бряцали доспехами и шуршали шелковыми платьями, свиная кожа говорила, а старые кресла скрипели и кряхтели от ревматизма в спине: "Ох!" Словом, все было как и в первый раз, - в старом доме часы и дни шли один, как другой, без всякой перемены.

- Нет, я не выдержу! - сказал оловянный солдатик. - Я уже плакал оловом! Тут слишком печально! Пусть лучше пошлют меня на войну, отрубят там руку или ногу! Все-таки хоть перемена будет! Сил моих больше нет!.. Теперь и я знаю, что это за воспоминания, которые приводят с собою знакомых лиц! Меня они тоже посетили, и, поверь, им не обрадуешься! Особенно, если они станут посещать тебя часто. Под конец я готов был спрыгнуть с сундука!.. Я видел тебя и всех твоих!.. Вы все стояли передо мною, как живые!.. Это было утром в воскресенье... Все вы, ребятишки, стояли в столовой, такие серьезные, набожно сложив руки, и пели утренний псалом... Папа и мама стояли тут же. Вдруг дверь открылась, и вошла незванная двухгодовалая сестренка ваша Мари. А ей стоит только услышать музыку или пение - все равно какое, - сейчас начинает плясать. Вот она и принялась приплясывать, но никак не могла попасть в такт - вы пели так протяжно... Она поднимала то одну ножку, то другую и вытягивала шейку, но дело не ладилось. Никто из вас даже не улыбнулся, хоть и трудно было удержаться. Я таки и не удержался, засмеялся про себя, да и слетел со стола! На лбу у меня вскочила большая шишка - она и теперь еще не прошла, и поделом мне было!.. Много и еще чего вспоминается мне... Все, что я видел, слышал и пережил в вашей семье, так и всплывает у меня перед глазами! Вот каковы они, эти воспоминания, и вот что они приводят с собой!.. Скажи, вы и теперь еще поете по утрам? Расскажи мне что-нибудь про малютку Мари! А товарищ мой, оловянный солдатик, как поживает? Вот счастливец!.. Нет, нет, я просто не выдержу!..

- Ты подарен! - сказал мальчик. - И должен остаться тут! Разве ты не понимаешь этого?

Старичок хозяин явился с ящиком, в котором было много разных диковинок: какие-то шкатулочки, флакончики и колоды старинных карт - таких больших, расписанных золотом, теперь уж не увидишь! Старичок отпер для гостя и большие ящики старинного бюро и даже клавикорды, на крышке которых был нарисован ландшафт. Инструмент издавал под рукой хозяина тихие дребезжащие звуки, а сам старичок напевал при этом какую-то заунывную песенку.

- Эту песню певала когда-то она! - сказал он, кивая на портрет, купленный у старьевщика, и глаза его заблестели.

- Я хочу на войну! Хочу не войну! - завопил вдруг оловянный солдатик и бросился с сундука.

Куда же он девался? Искал его и сам старичок хозяин, искал и мальчик - нет нигде, да и только.

- Ну, я найду его после! - сказал старичок, но так и не нашел. Пол весь был в щелях, солдатик упал в одну из них и лежал там, как в открытой могиле.

Вечером мальчик вернулся домой. Время шло; наступила зима; окна замерзли, и мальчику приходилось дышать на них, чтобы оттаяло хоть маленькое отверстие, в которое можно было взглянуть на улицу. Снег запорошил все завитушки и надпись на карнизах старого дома и завалил лестницу, - дом стоял словно нежилой. Да так оно и было: старичок, хозяин его, умер.

Вечером к старому дому подъехала колесница, на нее поставили гроб и повезли старичка за город, в фамильный склеп. Никто не шел за гробом - все друзья старика давным-давно умерли. Мальчик послал вслед гробу воздушный поцелуй.

Несколько дней спустя в старом доме назначен был аукцион. Мальчик видел из окошка, как уносили старинные портреты рыцарей и дам, цветочные горшки с длинными ушами, старые стулья и шкафы. Одно пошло сюда, другое туда; портрет дамы, купленный в лавке старьевщика, вернулся туда же, да так там и остался: никто ведь не знал этой дамы, никому и не нужен был ее портрет.

Весною стали ломать старый дом - этот жалкий сарай уже мозолил всем глаза, и с улицы можно было заглянуть в самые комнаты с обоями из свиной кожи, висевшими клочьями; зелень на террасе разрослась еще пышнее и густо обвивала упавшие балки. Наконец место очистили совсем.

- Вот и отлично! - сказали соседние дома.

Вместо старого дома на улице появился новый, с большими окнами и белыми ровными стенами. Перед ним, то есть, собственно, на том самом месте, где стоял прежде старый дом, разбили садик, и виноградные лозы потянулись оттуда к стене соседнего дома. Садик был обнесен высокой железной решеткой, и вела в него железная калитка. Все это выглядело так нарядно, что прохожие останавливались и глядели сквозь решетку. Виноградные лозы были усеяны десятками воробьев, которые чирикали наперебой, но не о старом доме, - они ведь не могли его помнить; с тех пор прошло столько лет, что мальчик успел стать мужчиною. Из него вышел дельный человек на радость своим родителям. Он только что женился и переехал со своею молодой женой как раз в этот новый дом с садом.

Оба они были в саду; муж смотрел, как жена сажала на клумбу какой-то приглянувшийся ей полевой цветок. Вдруг молодая женщина вскрикнула:

- Ай! Что это?

Она укололась - из мягкой, рыхлой земли торчало что-то острое. Это был - да, подумайте! - оловянный солдатик, тот самый, что пропал у старика, валялся в мусоре и наконец много-много лет пролежал в земле.

Молодая женщина обтерла солдатика сначала зеленым листком, а затем своим тонким носовым платком. Как чудесно пахло от него духами! Оловянный солдатик словно очнулся от обморока.

- Дай-ка мне посмотреть! - сказал молодой человек, засмеялся и покачал головой. - Ну, это, конечно, не тот самый, но он напоминает мне одну историю из моего детства!

И он рассказал своей жене о старом доме, о хозяине его и об оловянном солдатике, которого послал бедному одинокому старичку. Словом, он рассказал все, как было в действительности, и

молодая женщина даже прослезилась, слушая его.

- А может быть, это и тот самый оловянный солдатик! - сказала она. - Я спрячу его на память. Но ты непременно покажи мне могилу старика!

- Я и сам не знаю, где она! - отвечал он. - Да и никто не знает! Все его друзья умерли раньше него, никому не было и дела до его могилы, я же в те времена был еще совсем маленьким мальчуганом.

- Как ужасно быть таким одиноким! - сказала она.

- Ужасно быть одиноким! - сказал оловянный солдатик. - Но какое счастье сознавать, что тебя не забыли!

- Счастье! - повторил чей-то голос совсем рядом, но никто не расслышал его, кроме оловянного солдатика.

Оказалось, что это говорил лоскуток свиной кожи, которую когда-то были обиты комнаты старого дома. Позолота с него вся сошла, и он был похож скорее на грязный комок земли, но у него был свой взгляд на вещи, и он высказал его:

Да, позолота-то сотрется,
Свиная ж кожа остается!

Оловянный солдатик, однако, с этим не согласился.

Лесной холм

Юркие ящерицы бегали вверх и вниз по истрескавшемуся корявому стволу старого дерева. Они отлично понимали друг друга, потому что все говорили на одном языке - по-ящеричьи.

- Нет, вы послушайте только, как шумит и гудит наш старый лесной холм, - сказала одна из ящериц. - Из-за этой музыки я уже две ночи подряд глаз сомкнуть не могу! Точно у меня зубы болят, - тогда я тоже не сплю.

- Там что-то затевается, - сказала другая. - Я сама видела, как холм поднялся на своих четырех красных столбах, да так и простоял, пока петухи не запели. Верно, его хотят хорошенько проветрить. А дочери лесного царя выучились новым танцам и только и знают, что вертятся при лунном свете. Даю хвост на отсечение, там что-то затевается!..

- Я говорила с одним моим знакомым дождевым червяком, - сказала третья. - Он много ночей и дней рылся в этом хламе и подслушал кое-что. Видеть этот бедняга ничего не видит, зато пролезать всюду ощупью и подслушивать он мастер. Так вот он рассказывает, что в лесном холме ожидают чужеземных гостей. И каких-то очень важных! Кого именно, дождевой червяк сказать не хотел, да, пожалуй, и сам не знал. Известно, что все блуждающие огоньки, светляки и даже гнилушки приглашены участвовать в факельном шествии или как это у них там называется?.. И все золото и серебро - а этого добра в лесном холме довольно - чистят песком и мелом и выставляют на лунный свет...

- Да кого же они ждут? - спрашивали друг у друга ящерицы. - Что там такое затевается? Слышите, слышите, как шумят в лесном холме?

В эту самую минуту холм приподнялся, раскрылся, и оттуда, семена ножками, выбежала

старая лесная дева. У нее совсем не было спины, но одета она была очень прилично. На голове - чепчик из паутины, а на шее - шарф из болотного тумана.

Это была ключница и дальняя родственница самого лесного царя, потому она и носила на лбу янтарное сердечко.

Ножки ее так и мелькали - топ-топ, - и она живо очутилась на болоте, в гостях у ночного ворона.

- Лесной царь приглашает вас сегодня к себе в холм на ночной праздник, - сказала она. - Приходите, пожалуйста, то есть прилетайте. Но сначала я попросила бы вас оказать нам большую услугу: потратить часок-другой и передать приглашения остальным гостям. Надо же приносить хоть какую-нибудь пользу, тем более что своего хозяйства у вас нет и делать вам решительно нечего. Мы ждем, - добавила она шепотом, - очень знатных чужеземцев, норвежских троллей, или, как они называются у себя на родине, трольдов. И наш лесной царь не хочет ударить лицом в грязь.

- Кого же приглашать? - спросил ночной ворон хрипло.

- На бал при лунном свете могут явиться все, даже и люди, если только они говорят и ходят во сне и вообще отличаются какими-нибудь причудами в нашем вкусе. А вот званый обед - другое дело. Тут уж надо думать да думать. Общество должно быть самое избранное. Я спорила с лесным царем даже насчет призраков и привидений, - по-моему, их не следует приглашать: уж очень пустой народ... Прежде всего надо, конечно, позвать морского царя с дочками. Правда, они не очень-то любят выходить на сушу, ну, да ничего, мы посадим их на мокрый камень или еще что-нибудь придумаем. Авось не откажутся! Потом надо позвать всех старых троллей первого разряда с хвостами и рожками, затем водяных, домовых, болотных, и, конечно, нельзя обойти приглашением могильную свинью, мертвую лошадь и церковного карлика, как-никак они в родстве с нами и очень обидятся, если мы их не позовем.

- Карр!.. - крикнул ночной ворон и полетел приглашать гостей.

А старая ключница отправилась домой, к лесному холму, где уже плясали дочери лесного царя с длинными прозрачными шарфами в руках. Шарфы были сотканы из лунных лучей и вечерней мглы, а это очень красиво по мнению тех, кому такие вещи нравятся.

Парадная зала лесного холма была разубрана на славу: пол вымыт лунным светом, а стены натерты ведьминым салом, так что блестели при свете гнилушек, как серебро.

В кухне жарились на вертелах сотни жирных лягушек, готовились шкурки ужей с начинкой из улиток и слизняков и салат из мухоморов, сырых мышинных мордочек и белены.

Пиво было доставлено с завода бабы-болотницы, а искрометное селитряное вино - из кладбищенских погребов. Словом, все было, как полагается. На сладкое были припасены груды ржавых гвоздей и осколки разноцветных церковных стекол.

Старый лесной царь велел почистить свою золотую корону толченым грифелем. Для этого нужно было добыть грифели первых учеников, - а это для лесного царя нелегкая задача.

В спальне повесили паутинные занавески и прикрепили их иголками ежа и слюной ужа.

То-то было хлопот!

- Ну, теперь остается только покурить здесь паленым волосом и щетиной, и мое дело сделано! - сказала старая лесная дева.

И она подпалила целый конский хвост и щетинистую кожу дикого кабана.

- Да кто же они такие - эти знатные гости, которых мы поджидаем? - спросила самая младшая дочь лесного царя. - Скажи нам наконец!

- Так и быть, - ответил лесной царь, - скажу! Две из вас должны быть наготове, - нынче, я надеюсь, они выйдут замуж. Старый норвежский тролль, тот, что живет в скале Доврэ и владеет множеством гранитных дворцов и золотых россыпей (они у него еще богаче, чем думают), едет сюда женить своих сыновей. Старый тролль - настоящий норвежец, веселый, прямой! Я давно его знаю. Мы даже пили с ним "на ты", когда он приезжал сюда жениться. Жена его уже давно умерла, она была дочерью короля меловых утесов на Мэне и славилась белизной своей кожи. Да, приятно мне будет повидать старика тролля! Сыновья-то у него, говорят, не слишком удались - невежи, задиры! Ну, да это, может быть, так - пустые слухи, сплетни... Я сам в молодости был сорванцом. С годами это проходит. К тому же я надеюсь, что вы сумеете их вышколить, когда выйдете за них замуж.

- А когда же они приедут? - спросила одна из дочерей.

- Смотря по погоде и ветру, - сказал лесной царь. - Норвежцы скуповаты и едут с оказией, на попутных судах. Я-то советовал им ехать через Швецию, но старый тролль до сих пор еще косится на шведов. Что поделаешь - давние счеты!.. Старик, по правде сказать, немного отстал от века. Этого я в нем не одобряю.

В эту минуту к ним примчались во всю прыть два сторожевых блуждающих огонька. Один был попроворнее и прибежал первым.

- Едут, едут! - кричали они.

- Подайте мне мою корону! - сказал лесной царь. - Я выйду на лунный свет, чтобы она поярче блестела.

Девушки разом взмахнули шарфами и присели чуть ли не до земли. Они были воспитанные барышни и к тому же очень хотели понравиться женихам.

Старый тролль был в короне из ледяных сосулек и полированных еловых шишек, в медвежьей шубе и мохнатых меховых сапогах. Старички любят тепло. А сыновья его, здоровенные парни, носили кафтаны нараспашку и на королевский прием явились с голыми шеями и без подтяжек.

- Разве это холм? - спросил младший, показывая на дворец своего будущего тестя. - По-нашему, по-норвежски, это нора!

- Или дыра! - добавил старший.

- Вот так умники! - сказал старый тролль. - Нора идет вниз, а холм вверх. Где у вас глаза?

Молодые люди захохотали.

- Ну-ну, не прикидывайтесь дурачками, - сказал им отец. - Право, можно подумать, что вы малолетки.

Он взял под руку лесного царя, и все вошли в холм, где уже собралось самое избранное общество.

Любопытнее всего было то, что никто и не заметил, когда и как явились гости. Можно было подумать, что их всех ветром принесло.

Для каждого из приглашенных было заранее приготовлено удобное местечко: для ночного ворона - осиновый кол, для могильной свиньи - крышка гроба, водяные гости сидели в больших чанах с водой и чувствовали себя как дома.

Все вели себя за столом вполне прилично, кроме молодых норвежцев, троллей. Они положили ноги на стол, думая, что это выходит у них очень мило.

Впрочем, отец тут же напомнил им, что это не принято делать.

- Ноги долой! - крикнул он, и они послушались, хоть и не сразу.

Своих соседок за столом они щекотали еловыми шишками - у них были полные карманы этих шишек. А потом сняли с себя для удобства сапоги и дали их подержать дамам.

Старый тролль, тот вел себя совсем не так.

Он умел в одно и то же время и есть, и пить, и говорить. За столом он рассказывал чудеснейшие истории о величавых норвежских скалах, о клубящихся водопадах, которые с гулом и ревом, напоминающим грохот грома или гудение органа, низвергаются с отвесных утесов; рассказывал о лососях, которые прыгают и бьются в пене вод, поднимаясь по горным рекам против течения; рассказывал о зимних звездных ночах, когда по накатанным дорогам весело скрипят полозья и звенят бубенчики, а молодые парни с горящими смоляными факелами в руках бегают по гладкому льду, до того прозрачному, что видно, как под ним мечутся испуганные рыбы.

Да, умел-таки рассказывать старый тролль. Слушатели словно сами видели и слышали, как шумят бурливые водопады и водяные мельницы, как поют и пляшут деревенские парни и девушки. Тра-ла-ла! Тра-ла-ла! .

И старый тролль до того разошелся, что ни с того ни с сего чмокнул старую лесную деву, точно он был ее дядюшка, родной или двоюродный, а они вовсе и родственниками-то не были!

Потом дочерей лесного царя заставили танцевать. Они прекрасно исполнили несколько танцев, и простых и с притопыванием. И, наконец, должны были протанцевать новый, самый мудреный. Он назывался "танец без танца". Девицы его только что разучили - к приезду гостей.

Да, нечего сказать, это была пляска! Плясуны вытягивались, как вечерние тени, летали, как пушинки одуванчиков, мелькали, как солнечные зайчики. Где начало, где конец, где рука, где нога - ничего нельзя было разобрать, словно снежинки вихрем закрутило. Под конец они так завертелись на месте, что у мертвой лошади закружилась голова, и она вынуждена была выйти из-за стола.

- Брр! - сказал старый тролль. - Вот как они у тебя работают ножками! Славно! А умеют они делать еще что-нибудь? Или только вертеться и кружить головы другим?

- А вот сейчас узнаешь! - сказал лесной царь и позвал самую младшую дочь.

Она была так тонка и прозрачна, что сквозь нее был виден лунный свет и считалась самой нежной и хрупкой в семье.

Младшая выступила вперед, взяла в рот какой-то белый прутик и вдруг исчезла, словно растаяла.

В этом и было все ее искусство.

Но старый тролль сказал, что для примерной жены такое искусство совсем не подходит. Да и сыновьям его оно вряд ли придется по вкусу. Вторая из дочерей умела ходить справа и слева от себя самой, так что можно было подумать, что у нее есть тень, хоть всем известно, что у троллей и духов тени не бывает.

Третья сестра была совсем в другом роде. Она не умела исчезать и наводить тень. Зато она обучалась варить пиво у самой бабы-болотницы и отлично шпиговала светлячками моховые кочки.

- Из нее выйдет славная хозяйка! - сказал старый тролль лесному царю и чокнулся с ним взглядом: он не хотел больше пить.

Четвертая дочь лесного царя вышла с золотой арфой в руках. Она ударила по одной струне, и каждый из присутствующих невольно поднял ногу, левую, потому что тролли и духи - левши и всегда встают с левой ноги.

Она ударила по другой струне - и все пустились в пляс.

- Опасная особа! - сказал старый тролль. А молодые тролли взяли да и ушли из залы - им уже надоели все эти фокусы.

- Ну, а следующая что умеет? - спросил старый тролль, зевая.

- Любить все норвежское! - сказала пятая. - Если я выйду замуж, так только за норвежца.

- Это мило, - сказал старый тролль.

Но самая младшая сестрица в это время шепнула ему на ухо:

- Она слышала одну норвежскую песню... Знаете, там еще говорится, что когда придет конец света и все на земле разрушится, то устоят одни норвежские скалы. Вот ей и хочется попасть в Норвегию - она страсть боится погибнуть.

- Эге! - сказал старый тролль. - Вот оно что!.. Ну, а седьмая, последняя, что умеет?

- Перед седьмой есть еще шестая! - сказал старый лесной царь. Он, видимо, хорошо умел считать.

Но шестая даже не хотела показаться гостям.

- Я умею говорить только правду в глаза, - сказала она. - Поэтому я никому не нужна.

Наконец дошла очередь и до седьмой. Что же она умела делать? Рассказывать сказки, когда угодно, о чем угодно и сколько угодно.

- Вот тебе мои пять пальцев! - сказал старик тролль. - Расскажи мне сказку о каждом из них.

Она взяла его руку и принялась рассказывать, а он слушал и смеялся до упаду. Ему и в голову не приходило прежде, что о каждом пальце можно рассказать целую историю, да еще такую забавную и поучительную. Когда же она дошла до безымянного пальца, который называется иногда "златоперстом", потому что на нем носят золотое обручальное кольцо, старик сказал:

- Стой! Держи этот палец покрепче. Он твой, да и вся рука твоя. На тебе женюсь я сам.

Сказочница поблагодарила старого тролля, но напомнила, что он еще не дослушал сказки о "Златоперсте" и о "Петрушке-бездельнике" (так она называла мизинец).

- Прибереги эти сказки, - сказал старый тролль. - В долгие зимние вечера ты dokonчишь нам сказку о пяти пальцах, а заодно расскажешь и обо всем на свете. У нас в Норвегии никто не умеет плести такие небылицы. Мы будем сидеть у себя в горной пещере при свете смолистых сосновых лучин и пить мед из старинных позолоченных рогов. Эти рога я получил в подарок от речного духа. Он и сам придет к нам в гости и споет тебе все песни, которые слышал у себя на родине от горных пастухов. То-то весело будет у нас! Лососи запрыгают в струях водопада и будут биться о стены нашего дворца. Только не попасть им к нам, сколько ни бейся!.. Эх, хорошо в нашей старой славной Норвегии... А где же мои молодцы?

В самом деле, куда девались сыновья старого тролля? Они бежали по полю и задували блуждающие огоньки, которые так любезно явились участвовать в факельном шествии.

- Что вы носитесь без толку? - сказал старый тролль. - Я за это время нашел для вас мать, и теперь вы можете жениться на любой из ваших теток, какая вам только понравится.

Но сыновья сказали, что им больше по вкусу пить со всеми гостями "на ты" и произносить заздравные речи, а жениться вовсе не хочется.

Спорить с ними было невозможно. Они без конца говорили речи, пили со всеми "на ты", а потом опрокидывали кубок себе на ногу. Это означало, что на дне не осталось ни капли.

Под конец оба брата сняли с себя кафтаны и растянулись на столе отдыхать - они никого не стеснялись. А старый тролль пустился со своей молодой невестой в пляс и потом поменялся с ней сапогами. Это поновей, чем меняться обручальными кольцами. Да и потерять сапог труднее, чем кольцо.

- Чу, поет петух! - сказала старая ключница. - Пора нам закрыть холм, пока солнце не сожгло нас.

И холм закрылся.

...А по стволу гнилого дерева бегали взад и вперед юркие ящерицы и болтали между собой по-ящеричьи.

- Ах, как нам понравился старый норвежский тролль! Как он нам понравился!..

- А с моей точки зрения - молодые лучше, - еле слышно прошептал дождевой червяк.

Но так как он был слеп, то никто не поверил, что у него есть точка зрения.